

A photograph of a man in a light blue shirt and khaki pants kneeling on a paved area, placing a bouquet of red flowers at the base of a large, dark, abstract war memorial statue. The statue depicts a soldier holding a rifle. In the background, there is a grassy area, a road with cars, and a clear sky. A small flame is visible on a pedestal to the right of the statue.

Геннадий Мурзин

Отечества славные сыны

Их подвиг бессмертен

Геннадий Мурзин
Отечества славные сыны.
Их подвиг бессмертен

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22202005
ISBN 9785448323959*

Аннотация

В книгу «ОТЕЧЕСТВА СЛАВНЫЕ СЫНЫ» автор включил документальные повести и очерки, в которых рассказывает о доблестных фронтовиках Великой Отечественной войны – о тех, кто сложил свои головы на поле брани, и о тех, кому посчастливилось вернуться домой живыми, но покалеченными в сражениях. В книге много документов и иллюстраций, показывающих боевой путь героев.

Содержание

Авторское предисловие	7
Доля-долюшка	12
Пролог	12
Часть 1. Толя-золотце	25
Часть 2. Еще увидят, где раки зимуют	39
Часть 3. На защите столицы	50
Часть 4. Полковник Полосухин: биографическая справка	63
Часть 5. Битва за Москву продолжается	67
Часть 6. Лелюшенко: биографическая справка	73
Часть 7. Горячие деньки сержанта	79
Часть 8. Идет вперед, не зная отдыха и сна	91
Часть 9. До свиданья, мама, не горюй!	108
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Отечества славные сыны

Их подвиг бессмертен

Геннадий Мурзин

© Геннадий Мурзин, 2016

© Геннадий Мурзин, фотографии, 2016

© Сергей Мурзин, фотографии, 2016

© Ксения Мальцева, фотографии, 2016

Редактор Геннадий Мурзин

ISBN 978-5-4483-2395-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Маршал Победы Г. К. ЖУКОВ в книге «Воспоминания и размышления» писал: «Верные сыны России, Украины, Белоруссии, Прибалтики, Кавказа, Казах-

стана, Средней Азии стойкостью и массовым героизмом заслужили бессмертную славу».

Авторское предисловие

Геннадий Иванович Мурзин, автор книги «ОТЕЧЕСТВА СЛАВНЫЕ СЫНЫ», надеется получить отзывы и пожелания. Он готов ответить на любые вопросы. С ним можно связаться по электронной почте – gim41@mail.ru.

**От Курска и Орла
Война нас довела
До самых вражеских ворот.
Такие, брат, дела.**

(Из песни Булата Окуджавы).

Страна широко (это она умеет) и шумно (уж как водится) отметила 71-ю годовщину со дня Победы в Великой Отечественной войне. Отметила и снова успокоилась... до следующей годовщины или юбилея. Парадно прошествовали по городам и весям «бессмертные полки», но сколько ни всматривался в их дружные и стройные ряды, а не увидел ни одного из героев моей нынешней книги, хотя каждый из них (реально, а не на бумаге) пролил свою кровь за «Отечество наше свободное». Отговорила о сём «мероприятии» положенные речи многочисленная чиновная рать и утихла... И будет тиха до той поры, когда поступит циркуляр сверху насчет новой какой-нибудь патриотической акции, под которую бюджет щедро раскошелится, а деньги надо будет, как выражаются финансисты, «освоить», иными словами, рас-

толкать по чьим-нибудь карманам.

Увы, но каждому свое. Мне, например, хочется восстано-
вить забытые имена некоторых рядовых героев столь уже да-
лекой войны и оставить их для историков будущего, которые,
на что очень надеюсь, когда-нибудь проявят интерес и к ним.

Спешу. В меру моих возможностей и способностей. Ибо
в мои годы всякое промедление (в буквальном смысле сло-
ва) смерти подобно. Должен успеть. Надо, обязательно надо
успеть. Кто, если не я, оставит потомкам имена этих забытых
всеми фронтовиков?

Эти имена очень разные. Неоднозначны у них и судьбы.
Вот они...

Например...

Сапер Анатолий Александрович Гробов, гвардии стар-
ший лейтенант, пал смертью храбрых (с автоматом в руках)
в конце 1943 года в жесточайшем бою на земле Украины.

Например...

Танкист Иван Андреевич Мурзин, гвардии младший лей-
тенант, вступивший в войну добровольцем в июле 1941 года,
проехал на танке Т-34 от Воронежа до поверженного Бер-
лина, а затем и до восставшей Праги, вернулся домой, хотя
не раз горел в танке, был контужен и ранен, ушел из жизни
в 1990-м году.

Например...

Рядовой пехотинец прославленной гвардейской стрелко-
вой дивизии Николай Михайлович Перфилов, получивший

тяжелое ранение и вернувшийся домой инвалидом; на момент подготовки этой книги ему шел 92-й год (слава Богу жив и чувствует себя пока удовлетворительно).

Интересный нюанс: все трое – активные и непосредственные участники грандиозной по масштабу и жертвам Орловско-Курской битвы. И фронт у них был один на всех – прославленный 1-й Украинский.

Замечу: при подготовке текстов максимально использовал документы, письма, воспоминания; всячески старался избегать красивостей, искусственной героизации подвигов своих героев. Они такие, какими были на самом деле; они такие, каких было на фронте большинство; они те, кто на самом деле ковал (простите за эту единственную выпренность) плечом к плечу ту Великую Победу. Действительно, Великую! Действительно, Победу! Они – ратники русского Отечества, они настоящие продолжатели традиций русичей, снискавших славу в прежних великих битвах – на Куликовом поле, в Бородинском сражении с Наполеоном, на дорогах Первой мировой...

Итак, начинаю повествование...

Маршал Советского Союза
Иван Степанович КОНЕВ,
командующий 1-м Украинским
фронтом, дважды Герой
Советского Союза, удостоен
высших наград Соединенных
Штатов Америки, Великобритании,
Франции и других государств.

Доля-долюшка

*Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.*

*...Ты сейчас далеко-далеко,
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти – четыре шага.*

(Из стихотворения Алексея Суркова).

Пролог

Начну, уж извините, издалека, с тех давних дней, когда идея родилась...

Январь 1965-го. Совсем не за горами первая круглая дата – 20-летие Победы в Великой Отечественной войне. Предстоят, судя по всему, первые масштабные торжества. Власть начинает подготовку, о чем во всю мощь начинают трубить советские газеты, в том числе и молодежные. Готовится общественное мнение. Это необходимо... После стольких лет необъяснимого замалчивания.

И вот включаюсь, как и другие, в поисковую работу, точ-

нее – в создание истории жизни одного-единственного комсомольца Кушвинской городской организации. Цель: на его примере показать подрастающему поколению, каковы были предшественники, как они понимали патриотизм, как они умели защищать Родину, отдавая за нее подчас и жизнь.

Идея пришлась по вкусу первому секретарю горкома ВЛКСМ Валерию Черноголову Он одобрил. Поддержала замысел и второй секретарь (идеолог) Людмила Белоусова. Это понятно: хочешь везти – ну, и вези на здоровье; дурака работа любит.

Вот и, упёршись, занялся еще одним делом, делом, которое не входило в мои должностные обязанности. С трудом, однако папка с документами (медленно, но верно) все-таки стала пополняться. В конце концов, о своем герое узнал многое, но не все. Возможно, сумел бы больше, но... У меня было много других повседневных забот – это, во-первых. Во-вторых, очень трудно было получить воспоминания. Приходилось обращаться, а сначала надо было еще и найти очевидцев, по десять раз.

И тем не менее... С глубочайшей благодарностью вспоминаю о тех, кто откликнулся. Их всех помню до сих пор, хотя прошло пятьдесят лет. Поэтому в состоянии сегодня благодаря им обобщить все имеющиеся у меня данные и создать единый, целостный образ моего героя.

...Январь 2008-го. В очередной раз (в преддверии дня Победы) лидеры (в том числе, национальные) затолкали речи

медовые, закидали в массы призывы зажигательные: слушая, приторно становилось. Один из российского дуумвирата поспешил порадовать: каждый ветеран Великой Отечественной к 2010-му году будет жить в благоустроенной квартире! Если мне не изменяет память, нечто сходное уже когда-то слышал. Причем, недавно. Ну, каких-то восемь лет назад. А обещал... Нет, не Горбачева имею в виду, хотя и он был на обещания горазд... Впрочем, не буду придираться: мало ли кто и что мелет языком.

Стало быть, если верить нынешней пропаганде, властная элита (причем, на всех ее этажах) спит и видит, как бы облагодетельствовать ветеранов той войны, к чему подталкивает их дух патриотизма. Например, георгиевскими ленточками. Мелочь, ясное дело, а приятна и она сердцу фронтовика, когда что-то там на его груди мельтешит. Потому что пропахший порохом ветеран воочию убеждается: *никто не забыт, ничто не забыто*. Счастлив безмерно, короче, фронтовик. Это, если глядеть с колокольни кремлевских пропагандистов, агитаторов и организаторов. А на самом деле? Что, интересно, скрывается за кулисами парадного действия победного спектакля, который разыгрывается теперь ежегодно? Предлагаю взглянуть...

Первый пример.

...В глухой (и давно забытой даже Богом) саратовской деревушке доживает свой век бабушка¹. Доживает, можно ска-

¹ Жива ли она сейчас, когда готовится книга к печати? Право, не знаю (*здесь*

зять, в избушке на курьих ножках. Доживает в одиночестве. Есть дочка и внучка, да они далеко, за «бугром», значит. Умоляли бабушку: перебирайся, мол, под наше светлое, теплое и сытное крыло. А она – ни в какую. Упёрлась и все тут: хочу, говорит, помереть у себя и упокоиться в родной земле, а не где-то там, на чужбине. Это – ее мечта. Не единственная, однако главная. А о чем еще-то мечтает русская бабушка?

– Мне, – говорит, – особенного не надо. Я, – говорит, – всем очень довольна. Но, – говорит, – стара уж больно. С дровам, – говорит, – трудненько стало управляться. Самой-то, – говорит, – ни напилить, ни наколоть. А зимы-то, – говорит, – русские – длинные и морозные. Мне б, – говорит, – квартирёшку какую-никакую, ну, чтоб не топить только и воду из колодца не таскать.

Как догадываюсь, старушке обещали и обещают помочь, но... Улита едет, когда-то будет. Это вам не колонны ракет и танков в парадном строю прогнать по площади. А старушечьи годы, между прочим, тают, ну, прямо, на глазах. Чего ждет власть? Ждут, видать, обещалкины, когда старушка оставит сей бранный мир и оставит их в покое, освободит от тягостного обременения.

Иной, читающий сии строки, может и недовольно хмыкнуть: экая, мол, российская диковинка – одинокая бабулька; их, мол, таких-то миллионы; где, мол, на всех-то набрать-ся тех самых «квартирёшек». Все так. Замечательно пони-

маю всю *«остроту проблемы»*. Но я же не случайно выбрал сей пример, не с бухты-барaxy; он – не из разряда обычных. Можно сказать, саратовская-то старушка – уникал, своего рода, историко-национальный символ *«Великой Победы»*; старушка та вошла во все кинохроники мира². Да и в России обожают по торжественным датам показывать знаменитые кадры фронтового оператора, на которых запечатлен поверженный Берлин и жизнерадостная русская девушка-регулировщица в форме красноармейца у Бранденбургских ворот, непринужденно размахивающая флажками, будто всю жизнь только этим и занималась. А ведь та веселая и чуть-чуть озорная девчонка, рядовая Красной Армии, армии-победительницы и есть нынешняя саратовская старушка, неспособная нынче поколоть дрова и протопить печь. Да-да, это именно та самая, которая мечтает о *«какой-никакой квартирёшке»*. Вот ее имя – Мария Лиманская. Имя, имя-то, обратите внимание, какое, а? Святое для Руси, Богородичное!

Конечно, ветераны той давней войны (многим из них далеко за восемьдесят) к 2010-му будут (ведь наши президенты слов на ветер не бросают!) обеспечены благоустроенным жильем, причем, все, поголовно, если (ах, это наше «если»!) только кто-нибудь чудесным образом дотянет до новой даты, в том числе и легендарная Мария Лиманская. На-

² Премьер Великобритании Уинстон Черчилль, между прочим, проезжая, остановился, вышел из машины, подошел и ласково обнял.

пример, до 70-летия Победы

Впрочем, кто об этом сегодня и сейчас думает? Так сказать, нет человека – нет проблемы. А обещания? Ну, так они имеют обыкновение скоро стираться из памяти.

Иное дело, когда в число *«остро нуждающихся»* попадает лицо, родственное по духу власти: тут помнят и долго помнят. Вот один из ярчайших примеров, который знает вся нынешняя Россия.

Правнучка Маршала Леонида Ильича Брежнева, как сыр в масле катавшаяся, нигде и ни на каких фронтах никогда не воевавшая, палец о палец для своей Отчизны не ударившая, ушла в загул и в длительный запой. Пропив и прогуляв всё, в том числе прекрасное жилье на Кутузовском, пополнила, в конце концов, многочисленный отряд столичных бомжей. Возле одной из помоек и отыскала правнучку партийного вождя московская богема. Отыскала и улилась горючими слезами; занялась решением *«квартирного вопроса»*, который, как известно, москвичей вчистую испохабил. И вот на одном из самых влиятельных каналов, на глазах у всей России, богемной бомжихе вручили ключи от новой квартиры в Москве, причем, оборудованной и обставленной на самый взыскательный столичный вкус.

Так-то вот... Такие приоритеты. Легендарная фронтовичка может и пожить в деревенской развалюхе и ничего, по мнению власти, с ней не сделается. Другое совсем дело, когда в беде оказывается распутная алкоголичка, то есть

правнучка дорогого Леонида Ильича, не помочь которой – смертный грех.

Да, кстати, о памяти.

На примере Марии Лиманской показал, как многопочитаемая власть чтит память живых. Но что же с мертвыми, ну, с теми, которые полегли на полях сражений Великой Отечественной?

...Некий губернатор Свердловской области (в 2008-м он также считался символом, но уже современной региональной российской власти) торжественно заявил:

– Мы делали, делаем и будем делать все, чтобы память тех, кто погиб, осталась в веках.

Красиво, согласитесь, звучит заявление регионального национального лидера? О том же самом, но по-разному варьируя, в дни торжеств говорил мэр Екатеринбурга (также национальный лидер, но в масштабе одного, отдельно взятого уральского мегаполиса). Да что он?! Не о том ли талдычил и талдычит все праздничные дни наш правящий дуумвират?

О том, как уживаются слова и дела, мой второй пример. Он связан со мной, то есть не совсем, конечно, со мной (я – не фронтовик и им никогда не был, хотя ту лихую пору, будучи сосунком, преодолел каким-то чудом), а с судьбой моего Героя (пишу с большой буквы, так как этот человек – не миф и не легенда).

История в нескольких словах.

Чуть больше пятидесяти лет назад заинтересовался зем-

ляком-уральцем, погибшем в канун 1944-го при освобождении одной маленькой украинской деревушки.

Заинтересовавшись, стал собирать свидетельства очевидцев и архивные материалы. Кстати сказать, до меня о моем герое мало что было известно, в том числе и родным. Да, они знали, что их сын, муж, отец, брат (и всё в одном лице) воёвал, стал Героем Советского Союза. Но и только. Мне же удалось по крупицам и документально восстановить короткую и такую славную жизнь Грובה Анатолия Александровича, хотя это было совсем непросто и заняло много времени. Позднее, основываясь на собранных мною материалах, написал документальную повесть. Мне захотелось (не считая, что пожелал что-то сверхъестественное), чтобы повесть прочитали не только мои товарищи, а и другие, прежде всего нынешние школьники, и таким образом увековечить память (сохранить для потомков) об одном из тружеников войны, погибшем в бою и с автоматом в руках, хотя главная его профессия – сапер.

В канун 60-летия Победы, когда особенно красиво и громко звучали фанфары в честь *«живых и мертвых»*, я вновь попытался опубликовать свою документальную повесть. И стал действовать. Перво-наперво обратился к тому, кто всего ближе ко мне и кто контролирует солидные средства массовой информации, – к мэру Екатеринбурга (сейчас он, если не ошибаюсь, заседает во всероссийской богадельне, куда отправляют отставников, – Совете Федерации). Попро-

сил его содействия в издании. Полагал, что моя просьба не окажется уж слишком обременительной для администрации такого крупного мегаполиса: пятнадцать тысяч рублей на издание книги – деньги не столь значительные по тогдашнему времени. В письме, с которым обратился, заметил, что лично мне ничего не надо и ни на что не претендую, в том числе и на авторское вознаграждение. Я не кривил душой. В самом деле хотел лишь одного – чтобы мною собранные материалы не остались в туне, чтобы не ушли вместе со мной, а стали доступными всем, прежде всего молодежи – если не сегодня, то в другие будущие времена, когда молодежь будет значительно любопытнее нынешней.

Итак, письмо отправлено. Жду. И дождался-таки! Заместитель руководителя аппарата администрации Екатеринбурга сообщил, что из-за финансовых затруднений, испытываемых в настоящее время мэрией, оказать помощь нет никакой возможности. Денег не нашлось, но зато чиновник на советы не поскупился: обратись, дескать, в какой-нибудь толстый журнал и предложи опубликовать. Совет замечательный, но несвоевременный, так как в журнал «Урал» уже обратился и предложил, но в журнале люди тоже ушлые и просто так тамошние патриоты ничего не делают.

Второй адресат – губернатор Свердловской области и та же просьба. И также получаю ответ. Заместитель главы администрации губернатора (позднее пошел выше и даже возглавил секретариат правления региональной организации

правлящей уже давненько партии) посоветовал с этим делом обратиться в областной комитет ветеранов войны, которому, по его словам, выделены соответствующие средства. Догадываюсь, что чиновник попросту отфутболивает, а все же иду. Встречаюсь с председателем комитета ветеранов войны, показываю письмо. Тот читает и удивляется.

– Никаких, – говорит, – мемуаров мы не собираем и не издаем. Да, к юбилею нам выделили несколько тысяч рублей на издательскую деятельность, но они давно уже все потрачены.

Обманул меня ответственный клерк? Так получается. Кстати, через несколько месяцев этот самый клерк издаст пухлый книжный фолиант³, всецело посвященный своему дорогому шефу, то есть губернатору. Станным образом, никого не обманывая, автор нашел деньги на издательскую деятельность, причем, немалые, в сто раз большие.

Однако все еще не теряю надежды. Ведь она, эта самая надежда, умирает последней. Обращаюсь лично к вождю нации и главному патриоту России, искренне полагая, что ему-то уж траты в пятнадцать тысяч рублей не окажутся такими же тягостными, как мэру или губернатору. Сначала мне ответили из Администрации Президента: обращение, мол, направлено по принадлежности, то есть в федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. Жду дальше. И получаю правительственное письмо. Началь-

³ Нет-нет, не завидую, жаба не душит, Боже сохрани! Лишь констатирую факт.

ник управления периодической печати того самого агентства уведомил о том, что и у них финансовые проблемы; обратил также мое внимание, что *«непосредственно авторам агентство, являясь бюджетной организацией, на издание своих произведений не выделяет»*. Видимо, господин не читал моего письма, так как в нем нет ни слова о помощи лично мне, более того, сказано, что не претендую ни на какое авторское вознаграждение: предложил лишь государству свою интеллектуальную собственность в безвозмездное пользование. Пусть государство не может помочь автору в издании литературного труда, но оно, то есть государство, владеет типографиями и поэтому вполне печать книги может профинансировать (речь, замечу еще раз, идет о затратах в пятнадцать тысяч тогдашних рублей). Как и в предыдущих случаях, чиновник не поскупился на советы. Он порекомендовал обратиться в местные журналы «Урал» или «Уральский следопыт». Покорнейше благодарю, господа чиновники! Сыт вашими советами.

Вот так на деле реализуется выдвинутый еще в советскую пору патриотический тезис – *ничто не забыто, никто не забыт*.

Подвожу праздничный итог. Государство не помогло. Я также тогда не смог ничего сделать, так как пенсия не так велика, чтобы на свои средства издавать книги; скудны мои финансовые возможности... Как и Российского государства, тратящего ежегодно на показуху (в виде парадов, шествий

и прочего такого) миллиарды рублей. И все-таки... Чтобы труд многих лет совсем уж не пропал даром и сохранить его плоды, сам отпечатал несколько экземпляров, сходил в мастерскую, где мне сделали переплет и уже в виде брошюры передал один экземпляр на хранение Свердловской областной публичной библиотеке имени Белинского. Возможно, каким-нибудь историкам будущего и как-нибудь сослужит службу моя документальная повесть, если, конечно, в библиотеке сохранят и не выбросят в макулатуру. Передал безвозмездно. Впрочем, об этом вряд ли стоило упоминать. Хотя всякий труд должен быть оплачен, а понесенные материальные затраты должны быть компенсированы. Но это всё не из той жизни, которую я проживаю. К тому же денежная тема так непатриотична.

Трепотня же тем времени насчет *«славы живым и вечной памяти погибшим»* успешно продолжается. И она, эта самая трепотня у одних вызывает восторженное восхищение, а у других – слезы умиления. Да пребудут в добром здравии все те, которые громче всех верещат на всех перекрестках о национальном патриотизме!

...Лежит на книжной полке желтая и потрепанная картонная папка с документами. Лежит столько лет... Не могу позволить, чтобы ее содержимое оказалось после меня на помойке, а это вполне возможно. Мы, Иваны, не помнящие родства, способны на все.

Мой герой – один из миллионов, сложивших головы

на бескрайних полях сражений Великой Отечественной войны. Он – не маршал. Он – простой русский офицер из уральской глубинки, а потому типичен, характерен для того поколения.

Читателя сразу хочу предостеречь: особых литературных изысков не будет. Потому что в основе повествования лежат только подлинные документы, далеко от которых отойти мне не позволила совесть. Тем более, что был уже случай «*приукрашивания*». Пятьдесят лет назад, когда собственный корреспондент областной партийной газеты «Уральский рабочий» такого наплел, что читать стыдно было. И видел, какой болью подобный бред, высосанный из пальца, отозвался тогда в семье. Видел слезы матери, продолжавшей оплакивать гибель сына... Не хочу больше ни чьих слез, а хочу правды, одной только правды, какой бы суровой она не показалась кому-либо...

Не очень-то бравурен пролог? Какой, извините, уж получился. Другого не припас.

Часть 1. Толя-золотце

Верхняя Тура – город небольшой. Стоит у истоков уральской реки Туры, заканчивающей свой бег в Западной Сибири и вливающей свои воды в одну из могучих сибирских рек. Городом стал лишь в советское время, а до того считался рабочим поселком при казенном заводе.

С изменением статуса в жизни жителей ничего, по сути, не изменилось. Жизнь горожан полностью была (впрочем, сейчас ситуация аналогична) связана с единственным крупным предприятием. Раньше был почтовым ящиком, то есть имел номер, но не имел названия, что говорило об одном, – о принадлежности к оборонному ведомству. Завод специализировался (говорят, что еще с царских времен) на производстве снарядов для пушек, в том числе и для корабельной артиллерии. Завод немалый: и по занимаемой площади, и по числу работавших на нем – более пяти тысяч. Фактически, здесь трудилось все взрослое население.

Прошли века, а город по-прежнему живет своей тихой патриархальной жизнью. Вокруг города – грибные и ягодные места. С давних пор люди собирают клюкву, которой когда-то эти места давали видимо-невидимо. Город стоит в окружении сопок, склоны которых покрыты сосняком – очень красиво! Горожане гордятся своим прудом. Рыбалка с лодки – повальное увлечение.

На тогдашней окраине именно этого городка своим домом жили Гробовы. Говорят, что слыли все работающими и умелыми. Жили небогато, но справно. Как до революции, так и после нее босяками не были. Фамилия странная и никто не знает, откуда она взялась. Факт, что носители ее – не пришлые. была когда-то неподалеку от Кушвы деревенька Гробово, где и рождались, соответственно, одни Гробовы. Не исключено, что предки были гробовых дел мастерами, отсюда и пошла фамилия.

В семье – четыре сына: старший – Василий, потом – Леонид, далее – Аркадий, младший – Анатолий. До преклонных лет дожили лишь Аркадий и Леонид.

Василий и Аркадий, увлеченные революционными идеями, участвовали в установлении советской власти на Урале. Особенно Василий. Он был подпольщиком, членом РСДРП и даже участвовал в работе одного из съездов (в качестве полномочного делегата) РКП (б). Имею в виду тот самый съезд, делегаты которого были брошены на подавление вспыхнувшего Кронштадского мятежа. Исторически подтвержденный факт, что в подавлении мятежа активно участвовал и Василий Гробов. В тот раз судьба к нему отнеслась благосклонно: остался жив. Однако вскоре заболел и скончался. Возможно, на невском льду простудил легкие.

Аркадий, второй брат, – также был не робкого десятка. И когда пришла в город армия Колчака, то он включился в борьбу с беляками, как он потом выражался. И даже, буд-

то бы, организовал в поселке нечто, напоминающее сообщество «*красных дьяволят*»⁴. Они были молоды. Кровь бурлила. Энергии – хоть отбавляй.

Я встречался с Аркадием Гробовым. Как-то раз, в приватной беседе, он сказал, вспоминая гражданскую войну:

– Молоды, а потому глупы были. Не разбирались, что к чему. Думали, что красные – лучше белых... А...

Он не договорил фразу. Видимо, с возрастом многое Аркадий переосмыслил.

Аркадий мог попасть на войну с фашистами. Но не попал. Как он сам объяснял, не раз ездил в военкомат, который находился в Кушве, просился на фронт, но... Работал Аркадий на ответственном производстве оборонного завода. Здесь в нем нуждались больше, поэтому у него была «бронь» (так называлось освобождение от мобилизации на фронт).

В шестидесятые годы Аркадий сильно пил. В разговоре со мной он так объяснял:

– Не могу... Мне все кажется, что судьба сыграла со мной злую шутку, оставив в живых... У меня такое чувство: вина в том, что оба брата погибли... И мать все время корит... То и дело напоминает...

Несомненно: душа у Аркадия была неспокойна. Его терзали угрызения совести. Любопытный факт: Аркадий был

⁴ Об этом написал очерк, который был опубликован в городской газете «Кушвинский рабочий».

комсомольцем с 1919 года, то есть одним из первых в городке, но в партию не вступил. Почему? Увы, но на этот вопрос ответа уже не получить.

Младшенького, Анатолия, появившегося на свет за год до октябрьского переворота 1917-го, в семье любили все. Особенно отец Александр Иванович. Возможно, поэтому все делал, чтобы вывести в люди, значит, дать парнишке образование. Анатолию повезло: в бурные годы революции и гражданской войны он еще, как говорится, под стол пешком ходил, поэтому сии человеческие страсти его обошли стороной.

Из собственноручно написанных воспоминаний брата Аркадия:

«Анатолий дружил с Петром Мочаловым, – в конце шестидесятых он возглавлял отдел технического контроля упомянутого выше завода. – Росли вместе. Оба изобретали какие-то машины и механизмы... Однажды одно из их „изобретений“ взорвалось. Изобретатели получили ожоги. Потом долго ходили в бинтах. Но от увлечения не отказались».

Сразу видно, Анатолий любознательным рос. И очень живым. За клюковкой на болото или по грибы – Анатолий первый. Лес он любил. Что-то в лес его тянуло... Какой-то магнит...

А еще Анатолий с Петром любил утреннюю рыбалку

в верховьях пруда. Пруд тянется с юга на север на шесть километров, если не больше. У дружка на берегу была своя лодка. Поэтому, чтобы зорьку встретить на месте, отправлялись на лодке с вечера. Греб обычно Анатолий. Сила в нем была. Приплывали к облюбованному месту, песчаному плесу, что за возвышающейся сопкой, часам к двенадцати ночи. От комаров до утра спасались в охотничьем домике. Были тогда такие домики вдоль верхней части Верхнетурина пруда. До утра лежали на нарах, слушали байки, рассказываемые стариками, также приплывшими на рыбалку. Слушали, затаив дыхания. А утром... Только-только на востоке заалееет кромка неба, предсказывая скорый восход солнца, парнишки – в лодку и айда на середину пруда, на глубину. Приколются (местные почему-то не любили пользоваться якорными грузами, а использовали шести или даже семи метровые заранее вырубленные колья, вбивали с кормы и с носа лодки в дно пруда, привязывались). И пошла рыбалка! Говорят, Анатолию везло на рыбалке больше. Возвращался он всегда с уловом и нес домой улов непременно в руках, в связке: чтобы все видели, какой он ловкий и умелый.

Закончил Анатолий семилетку (эта школа, находившаяся в центре городка, носила его имя. Что сейчас? Не знаю).

Встал во весь рост вопрос: куда дальше? Пошел работать на завод, в один из цехов. Но Анатолий хотел учиться. Родители не возражали. Александр Иванович, отец, и вовсе загордился, когда узнал, что сын его собирается поступать в лесо-

технический техникум, расположенный в небольшом городе Талица Свердловской области (между прочим, этот же техникум заканчивал Николай Кузнецов, легендарный разведчик Великой Отечественной войны).

Поехал парень и поступил. Стал учиться. Там встретил свою первую и единственную любовь... В образе красивой и задорной девушки Зинаиды Быковой.

Из воспоминаний студентки Талицкого лесотехнического техникума Августы Чувыгиной (здесь и во всех других воспоминаниях буду как можно меньше вмешиваться в текст, оставляя, по возможности, таким, каким он вышел из-под пера написавшего):

«Я знала человека, о котором просите рассказать, – поясню: я обратился с открытым письмом через городскую газету «Кушвинский рабочий». – Он поступил в техникум в 1933 году, то есть, как и я. И мы учились на одном отделении – на отделении лесохимии. Познакомился он со студенткой Зиной Быковой, а потом они поженились.

Я помню, как он выглядел: хоть и невысок ростом, но коренастый такой; лицо широкое и угристое⁵, на нем всегда играла улыбка; голос тихий и всегда спокойный; необыкновенной доброты парнишка, за что все девчонки его называли просто – «Толя-золотце». Так много воды утекло, а этот парень по-прежнему стоит перед моими глазами».

⁵ Этим недостатком в юности все мы, будущие мужчины, страдали.

Не пишет Августа Чувыгина о чувствах своих, но у меня такое ощущение, что она была неравнодушна к «Толе-золотцу»... Прочитывается, знаете ли, между строк. Спасибо ей за память.

Мне написал и поделился своими воспоминаниями В. Ризволин (к сожалению, полного имени не знаю. Почему-то не сохранилось в моем архиве. Возможно, и в фамилии ошибка – почерк у автора очень приличный, но он не написал свою фамилию, а всего лишь расписался, поэтому окончание трудно разобрать):

«С Гробовым Александром Ивановичем я работал вместе с 1918-го и по 1938 год, поэтому его сына, Анатолия, знал с детских лет. Рос Толя в большой семье любознательным. Он отличался скромностью. После окончания Талицкого лесотехникума был направлен на работу в Верхнетури́нский леспромхоз, где я тогда работал техническим руководителем. Место работы Анатолия – Юрьевский лесопункт⁶. Перед леспромхозом в то время стояли большие задачи: во-первых, обязан был снабжать Верхнетури́нский и Садки́нский заводы древесным углем, соответственно, обеспечивать дровами для углежжения; во-вторых, заготовка экспортного баланса (крепезжного материала для шахт).

⁶ Замечу, что это глухомань страшная, куда добраться можно было лишь по узкоколейке, верхом на бревнах.

Юрьевский же участок в леспромхозе ведущий. За зиму надо было доставить лес к узкоколейке, чтобы потом от- править продукцию, как мы выражались, на большую зем- лю. Механизации тогда на лесозаготовках не было никакой. Молодой специалист с головой окунулся в работу. Проявляя упорство и настойчивость, Анатолий добивался всегда сво- ей цели. Как-то в начале зимы ко мне приехал Анатолий. Приехал не с пустыми руками, а с идеей. Прошу, говорит, разрешить построить на реке Салде ледяную дорогу; будем, говорит, по льду доставлять лес с одного берега на другой.

Ценность идеи заключалась не только в самой ледяной дороге, а еще в способе спуска заготавливаемых бревен с горы на лед (до этого везли на лошадях в объезд горы, а это два с половиной километра).

Анатолий говорит, что надо по склону горы построить «шлюз», упирающийся в реку, а по нему своим ходом спус- кать бревна вниз. Внизу, подцепив, по льду транспортиро- вать на другой берег. Это, говорит, легче и экономия вре- мени большая. Его идею приняли и одобрили. В результате рост производительности труда.

Ко всякой работе Анатолий относился с полной ответ- ственностью, точно и аккуратно выполняя все указания старших. Руководители его ценили за ум, рабочие уважали за доброту.

В 1938 году, в июне, меня перевели в Нижний Тагил. И больше Анатолия не пришлось видеть. Несмотря на это,

он по-прежнему перед моими глазами стоит, как живой. Он был Человек – большого ума и большого сердца».

Автор этого воспоминания расстался с Анатолием в июне, а...

Наступил август – самая любимая пора детских лет Анатолия: и клюковка уже поспела, и грибочки все еще идут и идут. Солнце радует глаз. В лесу в эту пору – рай земной, потому что комарья поменьше и воздух необыкновенно чист и свеж. Но... Не судьба, значит.

6 августа 1938 года родные, друзья и знакомые шумно, как это водится в России, провожают парня на службу. Все веселятся, и лишь мать умывается слезами: ее сердце сильно-сильно щемит. Ее любимец уезжает. И куда? Очень далеко: будто бы, на Дальний Восток. Будто бы, в военкомате на это намекают.

Слезы матери так и останутся до конца не выплаканными. Позади один этап жизни моего героя. Впереди – другой. Парень сразу перешагивал из юности во взрослую жизнь, в жизнь солдатскую, в жизнь ему неизвестную.

Анатолию было двадцать два... Он уезжал, оставляя молодую жену, жену носившую во чреве его ребенка. Мальчика или девочку? Он этого тогда не знал.

Анатолий Гробов, студент Талицкого
(Свердловская область) лесотехнического техникума.
Снимок сделан, очевидно, в 1936 году и является
фрагментом групповой фотографии, возможно, той
самой, о которой писала сокурсница Августа Чувыгина.

Прочитав "Кудыбинский рабочий" 4, где
был просил товарищественной обличительной
като-стии знаний о герое Советского
Союза Гребове Анастасии Александровне.
Я знала Гребову в годы уче-
бы в Благородном лесотехникуме. В
техникум он поступил в 1933 г. учился
он на нашем факультете ш-е лесотех-
ника и потому что в 1936 году не окончил
техникум уехал в В-Муром и действительно
но как он имел своим поведением
сильно надеждо в нейтральности, в технику-
муме он меня не слышал на следующем
бюро-вой зиме и уехал. а я его
знала два года, знала как хоро-
шего и доброго повороченного человека
всем, хорошего кудыбинца и
потому (студентского) учился он хоро-
шо. Если у меня было хорошее
только на обзоре студенческой
группы

Одна из страниц письма Августы Чувьиной, одно-

курсницы Анатолия Гробова.

с Прибавили Александром Ивановичем
я работал вместе с 1918 по 1938 год,
потому его сына, Тробова Анато-
лия Александровича, я знал с дет-
ства лет. В большой семье Толя рос
любознательным, скрупулезным. После
окончания Тамбовского Лесотехникума,
Тробов Анатолий Александрович, был
направлен на работу в Верхне-Турин-
ский Лесопромхоз, где я в то время
работал техруком. Тробов Ана-
толий Александрович был назначен
на работу лесотехником на Юрвев-
ский лесозащитник.

Перед Верхне-Туринским Лесопро-
мхозом стояли большие задачи:
нужно было снабжать древесиной уг-
лам Верхне-Туринский и Садкинский
заводы, 2) большое задание было по

Фрагмент письма друга семьи Гробовых, хорошо знавшего Анатолия с детства.

Часть 2. Еще увидят, где раки зимуют

Сначала, как водится, был сборный пункт, где новобранцев рассортировали. Потом – поезд и местом временного обитания на весь долгий путь (поезда тогда ходили гораздо медленнее, чем сейчас, в основном, на паровозной тяге и в одну колею) до Дальнего Востока простенькая теплушка. Так что Дальний Восток встретил парня уже холодным ветром, осенним листопадом и первыми заморозками.

Итак, Анатолий Гробов – рядовой 32-й стрелковой дивизии, а если конкретнее, то рядовой 30-го саперного батальона этой самой дивизии.

Других документально подтвержденных данных, касающихся этого периода жизни солдата, у меня нет. Однако некоторые косвенные сведения дают основания думать, что солдат нес службу исправно. Потому что уже через полгода Гробова отправили на курсы подготовки младшего командного состава, иначе говоря, в школу сержантов. В те далекие от нас времена aby кого в такую школу не направляли. Закончив курсы, стал младшим командиром, то есть сержантом, то есть командиром саперного отделения.

Конечно, тогда на Дальнем Востоке было не слишком-то спокойно: провокации японцев следовали одна за другой (известно, что ось Берлин-Рим-Токио была сформирована не для развлечения). Случались даже серьезные конфликты.

Например, сражения с японцами у озера Хасан и на Халхин-Голе.

Историческая справка.

Озеро Хасан находится на юго-востоке Приморского края, где с 29 июля и по 11 августа 1938 года Красная Армия разгромила японские войска, вторгшиеся внезапно на территорию СССР. Халхин-Гол – это река, протекающая по территории Монголии и Китая, впадающая двумя рукавами в озеро Буир-Нур и реку Орчун-Гол. Здесь японские войска вторглись на территорию Монголии, с которой у СССР был союзный договор. Выполняя союзнические обязательства, монголам пришла на помощь Красная армия. В результате ожесточенных боев в мае, июле и августе 1939 года японские войска были разгромлены. Хорошее умение воевать показала первая армейская группировка, которой командовал комкор Георгий Константинович Жуков, будущий полководец.

Привожу эту историческую справку неслучайно. Я хочу развеять ложь, которая содержалась в очерке Лазурина-Прохорова (напомню: очерк был опубликован летом 1965-го на страницах областной газеты «Уральский рабочий»). Автор (кстати, сам числился в списках фронтовиков), сочиняя свою легенду, красочно описал участие Анатолия Грובה в этих самых боевых событиях. Это «участие», скажу прямо, есть ложь, высосанная автором из пальца.

В дни, когда японцы проверяли крепость наших границ

у озера Хасан, мой герой находился лишь на сборном пункте, то есть примерно за восемь тысяч километров от указанного места боев. Гробов в часть-то прибудет гораздо позднее. А ведь ему требовалось еще время пройти курс молодого бойца и принять присягу. 32-я дивизия под командованием полковника В. И. Полосухина, в которой предстояло служить Анатолию, действительно участвовала в разгроме японцев у озера Хасан. Её солдаты проявили мужество и героизм, но моего героя в составе дивизии еще не было.

Теоретически, Анатолий Гробов мог участвовать в событиях на Халхин-Голе, поскольку к тому времени он прослужил уже десять месяцев, но всего лишь теоретически. Практически же... У меня нет никаких данных об участии молодого сержанта Грובהва в тех боях. Нет даже упоминания о столь важном факте в жизни моего героя и в архиве Министерства обороны (Московская область, город Подольск).

Это все дает мне право отместить весь бред Лазурина-Прохорова. Мой герой в чужой славе не нуждается. Моему герою и своей славы – за глаза!..

...Июнь 1941-го. Служба у уральского парня идет хорошо. Командиры довольны и намекают уже, чтобы тот остался на сверхсрочную: уж больно, мол, у того все хорошо получается. Но, судя по всему, Анатолий Гробов строил другие планы: дома его ждала жена Зиночка и дочурка Галинка. Немного оставалось ему служить. Он считал каждый оставшийся день до увольнения в запас, до возвращения в родные

уральские края, где его ждут с нетерпением родители, братья, жена и дочь, которая его не видела в глаза. Он хочет, он стремится взглянуть в эти детские и такие ему родные глазёнки. Он хочет обнять и прижать к себе все еще маленькое тельце такой родной ему девочки.

Оставалось (тогда три года служили) чуть больше шестидесяти дней. И...

Грянул черный день для Родины – 22 июня, когда на рассвете фашистские войска на всем протяжении западной границы одновременно вторглись на нашу землю. Началась Великая Отечественная война! Война за выживание русской нации! Война не на жизнь, а на смерть. Перед таким страшным выбором русский народ бывал и раньше, но всегда бил захватчиков, всегда отстаивал честь, свободу и независимость тысячелетней Руси. Что будет сейчас?.. Пока никто не знает.

Кто первым встанет на защиту родного Отечества, как не русский парень Анатолий Гробов? Встанет рядом, встанет плечом к плечу со своими соплеменниками, каждый из которых любил жизнь, хотел страстно жить.

...Приморье. Раздольное. Государственная граница. Теплый июльский вечер. Тишина. Лишь за стенами полевой палатки шумно стрекочут кузнечики. Спокойно. Солдаты его отделения, сильно уставшие за день, утомнились и затихли. Кто-то похрапывает, а кто-то тихо и невнятно бормочет во сне.

И лишь командиру отделения не спится в этот час. Сейчас его мысли далеко-далеко, за тысячи километров отсюда. Его мысли там, на Урале, где его мать, старшие братья, любимая жена и вдвойне любимая дочурка Галчонок. Он спрашивает сам себя: «Интересно, какая она, моя девочка?» Подумав, сам же и отвечает: «Должно быть, хохотунья... как и я». Пишут, что вовсю уже лопочет. Понятно: скоро три года будет.

Он тихонько встает, садится за стол, грубо сколоченный из доски-сороковки, достает несколько листов заранее припасенной бумаги, ручку и начинает свой обычный разговор с близкими ему людьми.

Письмо, датированное первым июля 1941 года. Анатолий пишет:

«Здравствуйте, мои дорогие⁷!

Простите меня за долгое молчание. Сейчас постараюсь положение исправить.

Хочу сообщить немного о себе. Живу я хорошо и спокойно. Нахожусь сейчас в лагерях. Кипит боевая учеба и работа. Приходится крепко разворачиваться, не считаясь ни со временем, ни с отдыхом. Ну, да нам теперь это привычно.

Собирался быть дома, но обстоятельства, как видите, не в мою пользу. Сейчас не знаю, когда буду дома. По всей вероятности, после окончания войны.

⁷ Все письма публикую такими, какими они были написаны, то есть без какой-либо редакторской правки.

Обо мне не беспокойтесь: чувствую себя прекрасно. Конечно, хотелось побывать дома, но страна требует быть на страже, а мы для того и призваны.

Эта фашистская гадина хочет попробовать нашу силу. Мы готовы её показать.

Мама, знай одно: я ни на минуту не забываю, что гражданская война отняла у меня брата Васю. Война отняла молодость у Аркадия. Война отняла здоровье у тебя. Теперь снова война...

Мы глубоко возмущены этим вторжением Гитлера в нашу спокойную жизнь. Здесь, на восточной границе, мы стоим, готовые к бою. И только через наши трупы враг сможет перешагнуть границу.

Обо мне не беспокойтесь. Я вечно, всегда и везде чувствовал и мыслил о тебе, мама! Чувство близости к тебе придаст силы жить. Я сумею себя защитить. И я не подведу нашу фамилию в бою. Только, мама, дай мне силу и энергию».

А вот дальше в том же письме уже обращается непосредственно к любимой, то есть к жене:

«Моя дорогая Зина!

Будем же верны друг другу, пока мы живы. Пусть мы далеко друг от друга, но наши мысли и чувства должны быть рядом и вместе. Наши стремления едины. Береги мою драгоценность – мою дочь! Ведь все мы живем ради того, чтобы

жили будущие поколения. И трудимся мы ради этого.

А когда закончим войну, мы встретимся вновь с тобой, и тогда у нас будет еще и сын-наследник, богатырь, гражданин. И мы с тобой, Зина, приложим все силы, чтобы воспитать из детей людей честных, свободных от тех недостатков, которыми страдали их родители, в частности, я.

Целую тебя! Пиши скорее, Зина, ответ. Знаю, что тебе сейчас тяжело – и на работе, и в жизни, но ничего, как-нибудь проживем. Ведь наступят же в нашей жизни светлые, счастливые дни!

Писать кончаю. Жду с нетерпением ответ. До свидания. Поцелуй Галочку! Крепко-крепко целую!

Твой – Анатолий».

Чтобы избежать кривотолков, объясню еще раз: это солдатское письмо, как и все последующие, не правил, не убавил и не прибавил ни единого слова. Даже знаки препинания сохранил. Читатель нынешней поры может удивиться и сказать: не может быть, чтобы выпускник всего лишь техникума мог излагать свои мысли столь четко и абсолютно грамотно. Сейчас – нет, а тогда – да. Сам читатель может убедиться. Очевидно, до войны народное образование стояло на более высоком уровне, или, что также возможно, мне герой попался не без способностей.

...Войне уже два месяца, а Анатолий Гробов все еще на Дальнем Востоке. Он, как и миллион других наших сол-

дат, несмотря на внешнее спокойствие, выполняет важную миссию — миссию сдерживания агрессивных поползновений японцев, союзников гитлеровской Германии, готовых в любой момент ударить с другой стороны. Пока выжидают. Но кто знает, что будет завтра? Тем более, что картина на Западе просто-таки страшная: Красная Армия с ожесточенными боями откатывается в глубь страны. Пал Смоленск, взята Тула. Немцы уже на подступах к Москве. Фашисты готовятся седьмого ноября, в годовщину октябрьской революции, к проведению парада на Красной площади. Заготовили даже пригласительные билеты для гостей.

Нависла смертельная опасность. Только тут с востока на запад, в условиях необычайной секретности, пошли воинские эшелоны. В одном из них ехал и Анатолий Гробов: его дивизию перебрасывали. Сибиряки и уральцы ехали, чтобы грудью встать на защиту столицы. Скорее всего, его эшелон проезжал через Свердловск. Несомненно, ему хотелось увидеть родные места и хоть бы на часок заглянуть к своим. Но кто позволит сержанту?!

Скорее всего, родные бы встретили его в Свердловске, но как им было узнать? Ведь передвижение войск по стране было предельно засекреченным и осталось тайной даже для хваленной фашистской разведки. Так что появление крепких и мужественных сибиряков и уральцев вблизи столицы оказалось для врага полной неожиданностью. Это факт, что Москва и москвичи должны всегда склонять головы перед

уральцами. Потому что – они спасители.

Пожалуй, будет не лишним, если подробнее расскажу о 32-й дивизии, в которой служил, а теперь воюет мой герой.

Боевые действия с японцами у озера Хасан.
Бойцы 32-й Краснознаменной
стрелковой дивизии в короткие минуты
затишья (1938 год).

в первую очередь по т.ч. Вура

такой ситуацией из-за Вура и восточной
марш по маршруту. Запас, Восток,
Московский шоссе и железнодорожные
станции в ст. 1-го к. Восток.

Получил приказ Восток Восток
и 0346.

Восток 16, 5, 43 и 49 единиц Восток,
переход в активную сторону на подполковника
руководит Московский железнодорожный
с Восток - железнодорожная линия через лесной
участок в Восток железнодорожный.

Начинает очень важные знания,
Ура Восток активная Восток Восток
до Восток Восток Восток Восток
Восток Восток Восток Восток.

На защите столицы. Страница журнала
боевых действий за 24 октября 1941 года.

Часть 3. На защите столицы

После поражения под Вязьмой, основные надежды Ставки возлагались на Можайскую линию обороны. Она была третьей линией перед Москвой и оказалась первой, используемой по назначению. Труд многих трудящихся Москвы, Подмосковья, Смоленской области, студентов, и даже школьников на первых двух линиях обороны пропал зря. Можайская линия простиралась с севера на юг от Московского моря, западнее Волоколамска, и Можайска, и до слияния Угры с Окой (220 километров). По плану Можайская линия обороны должна была включать три оборонительные полосы – главную и две тыловые, отстоящие одна от другой на 30 – 60 километров, а также промежуточные и отсечные позиции между ними.

Главная, передняя полоса шла по линии – река Лама, Волоколамск, Бородино, Ильинское, Детчино, Калуга, Тула. Вторая полоса проходила по рубежу – Клин, Истринское водохранилище, Истра, Звенигород, река Москва, Нарские пруды, Нарофоминск, река Нара, Серпухов. Третья полоса шла через Хлебниково, Нахабино, Домодедово. Оборудование Можайской линии не было закончено. Всего построили по огневым точкам 40 процентов от запланированного количества. На передней линии выделяются три Укрепленных района – Волоколамский УР (№35), Можайский УР (№36),

Малоярославский УР (№37). В период строительства Можайского рубежа предполагалось для их занятия использовать 25 дивизий. Из них в 35-м (Волоколамском) укрепрайоне, на фронте в 119 километров, – шесть стрелковых дивизий; в 36-м (Можайском) укрепрайоне, на фронте в 80 километров – пять дивизий; в 37-м (Малоярославецком) укрепрайоне, на фронте в 56 километров – шесть дивизий и в 38-м (Калужском) укрепрайоне, на фронте в 75 километров – четыре дивизии. Кроме того, на каждом направлении намечалось иметь в резерве по одной стрелковой дивизии. Двадцати пяти дивизий в распоряжении командующего МВО генерал-лейтенанта Артемьева теперь, конечно, не было.

После прорыва немцев к Юхнову шестого октября генерал Артемьев издал приказ на занятие войсками Можайской линии обороны. Из 220 километров полосы обороны трех укрепрайонов, к началу боев удалось занять войсками только 65 километров.

Что делать? А делать было нечего, как за счет других пополнять. И вот с Северо-Западного фронта Ставка срочно перебрасывает несколько стрелковых дивизий, в том числе и 32-ю, дальневосточную.

Девятого октября Можайская линия обороны была преобразована в Московский резервный фронт, командующим фронтом стал Артемьев. На следующий день Ставка выпустила директиву, в которой предписывалось к одиннадцатому октября закончить формирование 5-й армии. Эта армия

ускоренными темпами формировалась в Подмоскowie (5-я армия довоенного формирования, кстати говоря, полностью погибла в «Киевском котле»). В состав 5-й армии должны были войти четыре стрелковых дивизии и две танковых бригады, в том числе 32-я.

Десятого октября генерал армии Г. К. Жуков был назначен командующим Западным фронтом. Его, то есть фронт, пришлось создавать заново. Основой фронта должна стать теперь Можайская линия обороны и те соединения, которые предназначались для формируемой 5-й армии. Других пока не было. В связи с назначением Жукова командующим Западным фронтом, тринадцатого октября Московский резервный фронт был расформирован. Все его части и подразделения перешли в подчинение Военного совета Западного фронта. В своем первом приказе Жуков распределил рубежи обороны Можайской линии между армиями.

Тринадцатого октября Жуков издал приказ, в котором говорилось:

«... Наступил момент, когда мы должны не только дать решительный отпор фашистской аванюре, но и уничтожить брошенные в эту авантюру резервы. В этот момент, все как один от красноармейца до высшего командира, должны доблестно и беззаветно бороться за свою Родину, за Москву! Трусость и паника в этих условиях равносильны предательству и измене Родине. Товарищи красноар-

мейцы, командиры и политработники, будьте мужественны и стойки. НИ ШАГУ НАЗАД! ВПЕРЕД ЗА РОДИНУ».

Противник не терял время. Он рвался к Москве

2-я моторизованная дивизия СС «Рейх» предназначалась для организации внешнего кольца окружения советских армий под Вязьмой. Чтобы выполнить эту задачу, она из Юхнова выдвинулась к Гжатску. В дивизию входили отборные полки «Фюрер» и «Дейчланд». Утром седьмого октября полк «Дейчланд» возглавил атаку на позиции Красной Армии под Гжатском. Он действовал при поддержке дивизиона самоходных гаубиц, артиллерийского полка и противотанковой роты. Продвигаясь к Гжатску, полк к полуночи захватил Каменку и перерезал автостраду Смоленск-Москва. В результате действий полка «Дейчланд» значительные силы Красной Армии оказались окруженными в районе Гжатска.

На выручку окруженным в Гжатске бойцам восьмого октября срочно направлялась 18-я танковая бригада. Она формировалась во Владимире еще с сентября. Теперь в ее составе было 64 танка, из которых – шесть Т-34, пять – Т-26, а остальные – БТ. Разгрузившись на станции Уваровка танковая бригада на следующий день вступила в бой с мотодивизией СС. Из Владимира десятого и одиннадцатого октября на станции Колоч были разгружены еще 19-я и 20-я танковые бригады. Они направились к Можайску.

Полк «Дейчланд» начал атаку на город Гжатск по двум

направлениям. Разведывательная группа эсэсовцев скрытно проникла в южный пригород Гжатска. Во второй половине дня в город вступили основные силы полка «Дейчланд». Еще в предыдущий день, Жуков, при посещении штаба Западного фронта, недалеко от Гжатска, в Столбах, докладывал Сталину о положении дел на Западном направлении.

18-я танковая бригада к 11-му октября была окружена и почти полностью уничтожена.

На рассвете, десятого октября, на станции Можайск начали разгружаться первые эшелоны 32-й стрелковой дивизии. После разгрузки, ее подразделения ускоренным маршем направились к Бородинскому полю. Навстречу двигались людские потоки, с запада на восток, по старой Можайской дороге, по автостраде Минск – Москва, по проселкам и тропкам брели беженцы. Попадались и военные в одиночку, группами. Это те, которым удалось вырваться из окружения под Вязьмой.

32-я дивизия прибыла с Дальнего востока. Дивизией командовал полковник Полосухин. Тогда дивизия была включена в состав Северо-Западного фронта. 24 сентября ее части разгрузились в Волховстрое. Там она (в составе 52-й армии) готовилась к намечавшемуся прорыву блокады Ленинграда. А пятого октября ей было приказано начать погрузку в эшелоны на станции Званка и отправляться в Можайск. 32-я дивизия – была дивизией кадровой. В 1939 году ей пришлось участвовать в боях с японцами у озера Хасан. В со-

став дивизии входили 17-й, 113-й, 322-й стрелковые полки, а также 133-й артиллерийский, 154-й гаубичный полки и 65-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион. Всего в дивизии было до 15 тысяч человек личного состава. Было в дивизии даже 872 автомата, в то время редких для Красной Армии.

Дивизии было приказано: в течение трех суток, любой ценой, удерживать фронт шириной 30 километров, не допуская выхода вражеских войск к автостраде Минск-Москва. Нельзя было допустить также и прорыва немцев на Бородинском поле по старой Можайской дороге.

В полосе обороны Можайского укрепрайона (к моменту прибытия дивизии Полосухина, находились лишь 230-й учебный запасный полк (два батальона), один батальон 127-го запасного полка и батальон курсантов Московского военно-политического училища имени Ленина. В дивизию были включены и отошедшие от Гжатска остатки 18-й танковой бригады (7 танков).

Командующий 5-й армией генерал Лелюшенко расположил у населенного пункта Аксанова 19-ю танковую бригаду. На Бородинском поле были расположены три противотанковых артиллерийских полка – 121-й, 367-й и 421-й. Реактивную артиллерию он расположил на огневых позициях в районе Псареве – Кукарино – Сивково, планируя использовать ее для удара по скоплениям войск противника. В центре Бородинского поля занял оборону 230-й запасной полк.

Сюда же намечался, после прибытия в последних эшелонах, 322-й полк. Командный пункт командира дивизии полковника Полосухина разместился неподалеку от Бородинского музея. На главном направлении ожидаемого удара немецкой мотопехоты, танков, на железной и шоссейной дорогах Минск – Москва, расположились: 17-й стрелковый полк, батальон курсантов военно-политического училища, дивизионы 154-го гаубичного артиллерийского полка и два противотанковых полка. Здесь же заняла оборону 18-я танковая бригада. Дороги были прикрыты минными полями, проволочными заграждениями, противотанковыми рвами. Разведка, на довольно широком фронте, была возложена на 36-й мотоциклетный полк. В своем резерве командарм оставил 20-ю танковую бригаду и 509-й противотанковый артиллерийский полк, расположив их в районе перекрестка дорог восточнее Артемки. Необходимой тактической плотности на 45-километровом фронте не было. Кроме того фланги армии были открыты. Разрыв между ее фронтом и Волоколамским укрепленным районом достигал 13 километров, Малоярославецким – 22 километра. Эти промежутки командование армии прикрывало, справа – отрядом особого кавалерийского полка, слева – небольшими подвижными истребительными отрядами.

Для того чтобы выбить немцев из Гжатска, была сформирована группа генерала Калинина. Она состояла из двух батальонов пехоты, двадцати одного танка и дивизиона ре-

активной артиллерии. Группа предприняла целую серию контратак против закрепившихся в городе батальонов полка «Дейчланд». С боями она даже доходила и до Туманова. Командование дивизии «Рейх», в этой связи, перебросило к Гжатску полк «Фюрер» с целью перехватить передвижение советских войск. Захватив обширную возвышенность в районе Слободы, полк прорвал советскую линию обороны и продолжил свое продвижение по автострате, пока не вошел в непосредственное соприкосновение с Можайской линией обороны. Генерал Гепнер, командующий 4-й танковой группой, после захвата Уваровки решил без промедления двинуть войска на Можайск.

У деревни Ельня (не та Ельня, эта около Минского шоссе) разместились бойцы 17-го стрелкового полка. В дотах по обеим сторонам шоссе были установлены противотанковые орудия. Сапёры 467-го отдельного батальона взорвали мост через речку Еленку. Вечером двенадцатого октября показались первые немецкие танки. Они двигались на большой скорости, с открытыми люками. Видимо, немцы были уверены, что у русских после боёв у Гжатска не осталось сил. Едва они подошли к Ельне, как артиллеристы ударили по головному танку, застопорив движение. Так начались боевые действия моторизованной дивизии СС «Рейх» совместно с подошедшей к этому времени из Вязьмы 10-й танковой дивизией.

Под Можайском частям дивизии «Рейх» пришлось встре-

титься с сибиряками из состава 32-й дивизии⁸. По воспоминаниям зеленых (в отличии от черных) эсэсовцев: «... это были рослые, отлично вооруженные солдаты, одетые в широкие овчинные тулупы и шапки, с меховыми сапогами (вероятно, унтами или валенками) на ногах». Вспоминали немцы и «сталинские органы». Один из бывших офицеров тактического штаба дивизии «Рейх» много позднее вспоминал об эффекте, произведенном ими на германцев, в следующих выражениях:

«... Поскольку поблизости не было окопов, я укрылся за деревом, откуда наблюдал за рвущимися реактивными снарядами. Это был незабываемый фейерверк!».

Со своего импровизированного «наблюдательного пункта» он следил за советским огневым налетом, причем ему «врезались в память запах взрывчатки, а также черные, красные и фиолетовые отблески от разрывов воздушных мин, принимавших, если мне не изменяет память, форму головок тюльпанов».

В ходе огневого налета советских «Катюш» на Бородинском поле был тяжело ранен и «папаша Гауссер», командир дивизии «Рейх», потерявший глаз. Он был заменен Биттри-

⁸ При описании событий под Москвой используются факты, содержащиеся в журнале боевых действий 32-й стрелковой дивизии.

хом, командиром полка «Дейчланд».

Проливные дожди также внесли свою лепту в общую картину боев. Как вспоминают очевидцы, их глазам представилась:

«... Ужасная картина: колонна техники, растянувшаяся на сотни километров, в которой в три ряда стояли застрявшие в грязи на автостраде грузовики, увязшие в глинистой жиже нередко по самый капот. Как обычно, не хватало бензина и боеприпасов. Обеспечение (в среднем по две тонны на дивизию) доставлялось по воздуху. Ценой тяжелейшего, каторжного труда и невероятных усилий „зеленым эсэсовцам“ удалось проложить пятнадцать километров дороги из кругляка».

Утром тринадцатого октября после мощной артподготовки немецкой пехоте и танкам удалось преодолеть эскарп у деревни Рогачево, но их тут же накрыло пламенем из 70 огнеметов, замаскированных на обочинах дороги. Вклинившись в оборону, немцы захватили Шевардино, Утицы и стремились создать угрозу окружения, и тем самым заставить 17-й полк откатиться назад. Но к этому времени подоспел 322-й стрелковый полк, который с ходу вступил в бой на участке 17-го полка. Батальон капитана Щербакова выбил немцев из деревни Шевардино, а батальон капитана Зленко завязал бой в Утицах. Потерпев неудачу у деревни Ельня, немец-

кое командование перенесло свои удары на соседние участки обороны. Началась атака на Логиново, с попыткой захватить переправы через реку Москва у Аксаново. Одновременно был нанесен удар на Юдинки (южнее Ельни), в стык 17-го стрелкового полка и батальона курсантов Московского военно-политического училища, с целью обхода 32-й дивизии, и выхода у нее в тылу на автостраду Минск – Москва.

На правом фланге 32-й стрелковой дивизии 521-й стрелковый полк еще не успел полностью занять оборону и немцы, прорвавшись на этом участке, устремились на Аксаново. Части 19-й танковой бригады контратакой совместно с 9-й стрелковой ротой 521-го полка отбросили врага к Беззубово. Положение на участке обороны 521-го полка было восстановлено. Танки и мотопехота немцев атаковали также Фомкино.

За ночь четырнадцатого октября выпал обильный снег. На рассвете позиции 17-го стрелкового полка подверглись шквальной бомбежке. К исходу дня немцам удалось прорвать оборону 17-го стрелкового полка на левом фланге. Деревня Артемки семь раз переходила из рук в руки. Стремительно редели ряды обороняющихся. От батальона курсантов военно-политического училища численностью 700 человек осталось в живых лишь 52 бойца.

В журнале боевых действий 4-й немецкой танковой группы четырнадцатого октября отмечается:

«... Дивизии начали прорыв в районе Бородинского поля. Германская артиллерия под командованием полковника Вейдлинга пробила брешь в советской обороне. Преодолевая полосу врытых в землю огнеметов с электрическим зажиганием, противотанковых препятствий всех видов, минных полей, проволочных заграждений, эскарпов и дотов, в брешь устремились штурмовые части, и первая линия обороны Можайской линии оказалась прорванной».

Пятнадцатого октября немцы захватили Артемки. Возникла угроза прорыва по шоссе к Можайску и далее к Москве. С этого момента никому не известная деревня Артёмки вошла во все известные оперативные сводки – от штаба дивизии до штаба фронта и Ставки. Остановленный на Минской магистрали, противник изменил тактику. Не прекращая атак в этом направлении, он перенёс главный удар танками в центр Бородинского поля, то есть туда, где находился штаб 32-й стрелковой дивизии полковника Полосухина, с целью прорваться к Можайскому шоссе. От захваченной железнодорожной станции Бородино к центру Бородинского поля надвигались десятки танков. Заградительный огонь 572-го и 316-го артполков, а также гвардейских миномётных дивизионов заставил их остановиться. Танковая колонна противника сосредоточилась на шоссе между деревнями Горки и Татариново.

В течение ночи на шестнадцатое октября к фронту оборо-

ны подошли части немецкого 9-го армейского корпуса (78-я, 87-я и 267-я пехотные дивизии). Утром на передовой линии, на своем НП, был ранен командующий 5-й армией генерал-майор Лелюшенко. В командование армией вступил генерал-майор Говоров, бывший до этого начальником артиллерии Западного фронта.

40-й немецкий моторизованный корпус теперь совместно с частями 9-го армейского корпуса перешел в наступление. Ожесточенные бои развернулись на участке Шевардино – станция Бородино, а затем и на Бородинском поле. Немцы, массированно применяя танки, намеревались двумя ударами – на Псарево, Криушино, а также на Бородино, Горки – пробиться к Можайску и к автостраде, а также расчленив силы 5-й армии. На правом фланге началось продвижение 87-й и 78-й немецких пехотных дивизий, с попыткой форсировать реку Москва, на Гаретово, Бели, обороняемые 521-м стрелковым полком, от Артемок немцы пытались продвинуться вдоль автомагистрали.

Часть 4. Полковник Полосухин: биографическая справка

Полосухин родился 28 февраля 1904 года в Новокузнецке. В Рабоче-крестьянской Красной Армии с 1921 года: участвовал в борьбе с бандитизмом. Окончил 25-ю Томскую пехотную школу командного состава РККА в 1922 году. Прошел путь от рядового красноармейца до командира стрелковой дивизии.

Звания полковника удостоен в 1940 году. В Великую Отечественную войну командовал 32-й Краснознаменной стрелковой дивизией, которая была переброшена с Дальнего Востока.

Кстати. Воины этой дивизии показали свои лучшие боевые качества в боях с японцами на озере Хасан и Халхин-Голе.

Во время Московской битвы дивизия вела напряжённые бои на Можайском направлении. Под командованием полковника Полосухина 32-я дивизия на шесть суток задержала на омытом кровью далеких предков Бородинском поле части 40-го механизированного корпуса гитлеровцев, рвавшихся к городу Москва. Ведя неравные бои с превосходящими силами, воины дивизии уничтожили около 10 тысяч вражеских солдат и офицеров.

В. И. Полосухин погиб на Подмосковной земле, под Мо-

жайском, недалеко от села Семёновское, в местности, которая именуется сейчас Долиной Славы, захоронен у мемориала павшим в Можайске. Убит, как я понимаю, пулей фашистского снайпера, попавшего прямо в сердце полковника Полосухина.

За подвиг, совершенный на Можайской земле, В. И. Полосухин награжден Орденом Красного Знамени, разумеется, посмертно.

В Москве и Подмосковье помнят и чтят героя войны. Его именем названы улицы в Можайске, Москве и Новокузнецке, а также 538-я средняя школа в Москве.

Решением исполкома Новокузнецкого городского Совета народных депутатов от 18 октября 1989 года Полосухину В. И. навечно присвоено звание «Почетный гражданин города Новокузнецка».

Полковник В. И. ПОЛОСУХИН,
командир 32-й стрелковой дивизии.

Погиб в бою под Можайском
в октябре 1941 года. Награжден
орденом Красного Знамени (посмертно)

Войсковой
полк
№ 100

Удостоверение личности

Президентом СССР
Виктор Иванович

состоит на действительной военной службе
32 Краснознаменный Стрелковый
дивизион 5 Армии

Удостоверение личности В. И. Полосухина, пробитое
фашистской пулей.

Часть 5. Битва за Москву продолжается

Семнадцатого октября резко осложнилась обстановка в полосе обороны 5-й армии на стыках с соседними армиями. Было отмечено движение колонн танков и машин немцев в обход северного фланга. Южнее магистрали Москва – Минск, в обход южного фланга 5-й армии, продвигался, подошедший сюда 7-й немецкий армейский корпус (197-я, 7-я, 297-я пехотные дивизии). Им была захвачена Верея. От Вереи нависала угроза нашим частям удара с тыла и их окружения. Южнее, между Борисовом и Вереей, занимали оборону отошедшие за Протву части советских 50-й и 222-й стрелковых дивизий.

Наступая от Бородинского поля немцы прорвали оборону 322-го полка и овладели Кукариным. Таким образом, они отрезали от основных сил 32-й дивизии 17-й стрелковый полк, 18-ю и 20-ю танковые бригады, защищавшие автостраду Минск – Москва в районе Артемки – Тетерино. Там они должны были закрепиться, с тем чтобы не допустить выхода противника на северный берег Москвы-реки.

Переправившиеся через Протву разведывательный и пехотный батальоны немцев захватили Борисов. Так как этим самым создавалась угроза выхода немцев на Минскую автостраду с юга, 36-й мотоциклетный полк, бывший в резер-

ве, получил боевой приказ выбить противника численностью до полка захвативший Борисов. В 19.00 полк охватил противника с флангов, а группа из двух танков Т-28 и пяти бронемашин захватила мост через Протву, отрезав путь к отступлению немцев в Заречье. Немецкий полк был разгромлен. Вместе с подошедшими подразделениями 17-го стрелкового полка мотоциклетный полк удерживал Борисово до 20 октября.

18 октября командующий 5-й армией Говоров отдал приказ оставить Можайск. Ночью 19 октября 32-я стрелковая дивизия совместно с 18-й бригадой отошли и заняли оборону на левом берегу реки Москва, на рубеже Гаретово, Аксаново, Тихоново, Тетерино. Батальон 17-го полка, и приданные ему подразделения пехоты и артиллерии, а также курсанты отошли за реку Мжуг, южнее Можайска. Они заняли оборону по ее восточному берегу. Минское шоссе на перекрестке дорог, южнее Можайска, удерживали автоматчики и пять танков 18-й танковой бригады. Между Борисовом и Вереей, в обороне за Протвой осталась 222-я дивизия. 50-я стрелковая дивизия вела бой под Вереей. 19-го числа ей было приказано срочно перейти в район Шаликово, для перекрытия Минского шоссе перед Дорохово. В Шаликово до этого находился штаб 5-й армии. Совершив ночной марш, к утру 20-го дивизия вышла в район Шаликово. Командующий 5-й армией приказал 50-й дивизии два дивизиона 154-го гаубичного артполка, 999-й, 154-й, 316-й противотанковые

артиллерийские полки. Однако все эти полки были малочисленны. К примеру – в 316-м полку было всего 6 пушек. Еще дивизии придавалась 20-я танковая бригада.

После отхода 5-й армии из Можайска, немецкое командование решило окружить в треугольнике Аксаново – Можайск – Вандово все советские войска, находившиеся севернее Можайска, и уничтожить их. Из Можайска был выдвинут сильный отряд пехоты и танков. Быстро продвигаясь по дороге на Вандово, немцы заняли дорогу, на всем протяжении от Можайска до Ратчино и Клементьево, тем самым они упредили отход 32-й стрелковой дивизии на указанный командармом новый рубеж. Располагая крайне незначительным резервом, Говоров всеми имевшимися в его распоряжении силами, принял срочные меры к выводу дивизии из окружения. Полосухину было приказано прорываться на восток. Его части стали пробиваться по двум направлениям: 521-й стрелковый полк наметил прорыв через Клементьево, 322-й полк, часть 17-го полка, 230-й запасный полк и 113-й легко-артиллерийский начали прорываться от села Вяземского.

Весь остаток дня двадцатого октября и всю ночь продолжался ожесточенный бой за дорогу Можайск – Клементьево. Порой казалось, что сил для прорыва через бронированную стену, стоявшую у них на пути не хватит. К рассвету 21-го октября 521-й стрелковый полк прорвался на участке Вандово – Новинки, остальные части дивизии – на участке Ратчи-

но – Тетерино. После этого они, ведя арьергардные бои отошли на восток, за реку Искона. 521-й полк был оставлен для прикрытия города Рузы – на рубеже Никулино – Константиново (северо-западнее Рузы) с приказом оборонять Рузу. Однако двадцать пятого он был уже за рекой Руза. Город Руза перешел в руки немцев. Полк, состоящий из двух батальонов, сдерживая натиск 78-й пехотной дивизии, отступил на рубеж Коковино – Орешки, а потом стал отступать далее – в направлении на Колобязино. В этом районе он был позже включен в состав 144-й дивизии.

78-я немецкая пехотная дивизия, наступая от Рузы по дороге на Звенигород, подошла вплотную ко второму рубежу обороны Москвы. 195-й и 215-й ее пехотные полки захватили плацдарм к западу от Локотни, примерно в 65 километрах от Москвы. Но и тут в условиях распутицы продвижение дивизии было остановлено.

Бои по направлению на Кубинку длились уже неделю. По замыслу фон Бока, это были отвлекающие бои, но окружения у него не получалось. 78-я пехотная дивизия была остановлена перед Звенигородом. 7-й немецкий армейский корпус наступал южнее Дорохово. 26 октября, после того как Жуков переговорил по телефону с Рокоссовским, он принял решение начать наступление на Дорохово, чтобы ослабить давление немцев на 16-ю армию Рокоссовского.

В этот день Жуков получил донесение, что на подходе первые эшелоны двигавшейся по железной дороге из Сиби-

ри 82-й мотострелковой дивизии полковника Карамышева. Дивизия была передана в состав 5-й армии. Говорю, что-бы ускорить ее продвижение к фронту, направил навстречу дивизии офицеров штаба. В результате принятых мер выгрузившийся первым мотострелковый полк дивизии прибыл в район Крутицы. 82-я дивизия и 25-я танковая бригада, также только что прибывшая, с ходу вступили в бой. Нанесли удар вдоль Можайской дороги и автостреды на Дорохово. Немцы были оттеснены к центру Дорохова и южнее, к перекрестку дорог. В это же время атаковали врага 50-я стрелковая дивизия, 22-я и 20-я танковые бригады. Они нанесли удар по немецким войскам, захватившим Тучково. В результате немцы были отброшены на 10 километров. Впоследствии, налаженное взаимодействие 20-й, 22-й и 25-й танковых бригад с пехотой 82-й мотострелковой дивизии обеспечило прочную стабилизацию обороны 5-й армии в этом районе. И далее подступов к Кубинке армия уже не отошла.

7-й армейский корпус, наступающий южнее Минского шоссе, пытался охватить Кубинку с юга. 7-я и 292-я немецкие пехотные дивизии овладели районом Крюково, перед самой второй линией Можайской обороны Москвы. При попытке атаковать укрепления обе дивизии увязли в грязи. Пришлось отказаться от попытки штурмовать главные позиции Красной Армии по реке Нара. Танкам, по замыслам Гудериана и других теоретиков «блицкрига», полагалось двигаться впереди мотопехоты, расчищая ей путь, а мотопехота,

должна была следовать за танками, развивая достигнутый темп успех. Теперь же мотопехота сплошь и рядом оставалась моторизованной лишь по названию, превращаясь в обычную пехоту, вследствие необходимости бросать свои грузовики, увязшие в грязи, а также из-за отсутствия горючего. Таким образом, стратегический план наступления на Москву фон Бока оказался не состоявшимся.

К концу октября противник выдохся и был остановлен. Войска 5-й армии к тому времени обороняли широкую полосу, а 32-я была передислоцирована на левый фланг армии и заняла оборону на участке Аксаково – Маурино, южнее автострады, по восточному берегу Нарских прудов и реки Нары. Район этот был превращен в мощный оборонительный узел: отрывались окопы, траншеи, ходы сообщений, строились блиндажи, укрытия для лошадей и боевой техники. Вдоль шоссе создавались минные поля, по обочинам дороги устанавливались огнеметы, в полотно дороги закладывалась взрывчатка. Огневые позиции пушечных батарей разместили на опушках леса, окаймлявшего Акуловское поле, а гаубичные орудия – на лесных полянах. Вдоль ручья Песочный, впадающего в реку Нара, громоздились огневые завалы из хвороста и соломы.

Часть 6. Лелюшенко: биографическая справка

Поскольку с Лелюшенко в этой книге читатель еще не раз будет сталкиваться (так судьбе было угодно), постольку считаю оправданным представить этого командира более обстоятельно.

Дмитрий Данилович Лелюшенко родился в Ростовской области, в семье бедного крестьянина. По национальности украинец. В 1919 году добровольцем вступил в отряд С. М. Буденного и всю гражданскую войну находился в Первой конной армии. В 1925 году окончил военно-политическую школу, в 1927 году – кавалерийскую школу, а в 1933 году – Военную академию имени М. В. Фрунзе. В дальнейшем занимал ряд ответственных командных постов.

В годы Великой Отечественной войны Д. Д. Лелюшенко командовал общевойсковыми и танковой армиями. Принимал участие в разгроме немецко-фашистских захватчиков под Москвой, под Сталинградом.

...Герой Советского Союза генерал-майор Лелюшенко командовал механизированным корпусом, когда гитлеровские войска вторглись в пределы нашей Родины. Теоретически образованный воин, Дмитрий Данилович был одним из тех советских командиров, кто уже имел боевой опыт ведения современных боев. Механизированный корпус, которым ко-

мандовал Лелюшенко, в июле 1941 года еще не закончил формирования, не получил необходимой техники и вооружения.

– Как быть? – встревожились товарищи по службе, когда корпус, сосредоточенный на Даугавпилсском направлении, был поднят по тревоге.

– Драться! – жестко отрезал Лелюшенко.

Он был обеспокоен создавшимся положением не меньше своих подчиненных. Но не время было вести пустопорожние разговоры. Исходя из наличия вооружения, создал маневренные, подвижные полки сокращенного состава, включавшие подразделения всех родов войск.

Корпус получил задачу удержать рубеж по Западной Двине. Фашистские войска уже захватили город Даугавпилс. Лелюшенко упорно контратакует противника. Но не во всех дивизиях контратаки проходят успешно.

– Вражеская авиация давит. Житья не дает, – пожаловался как-то командир дивизии полковник Н. И. Воейков.

– А вы врежьте в боевые порядки фашистов, затрудняйте вражеской авиации определять, где свои, а где чужие, – ответил Лелюшенко, а потом добавил. – Не лезьте в лоб, бейте врага в тыл, во фланги, смелее используйте ночь, совершайте диверсии.

Такие действия то и дело заставляли противника разворачивать войска, нести потери, вводить новые силы. Корпус под командованием Лелюшенко сорвал планы фаши-

стов по срокам и рубежам на этом направлении, дал некоторый выигрыш времени для подготовки обороны Ленинграда. Позднее гитлеровский генерал Манштейн в связи с задержкой у Даугавпилса признается: *«Цель – Ленинград – отодвинулась от нас на далекое будущее»*.

Прошли четыре месяца тяжелых боев. На западном направлении фашисты приблизились к Москве. Угроза нависла над Тулой. Дмитрий Данилович Лелюшенко в это время командовал 1-м гвардейским особым корпусом. Ответственная задача поставлена перед войсками: надо сдержать три танковых корпуса противника одним своим, еще не полностью укомплектованным.

Гитлеровцы рассчитывали быстро проскочить к Туле, а там и к Москве, но застряли в лабиринтах обороны из опорных пунктов и рубежей с целой системой артиллерийских и танковых засад. А тут еще дерзкие контратаки танкистов по флангам и в тылу. Фашисты несли огромные потери в людях и танках, долгое время не могли преодолеть рубеж обороны корпуса по реке Зуше. К середине октября вражеские войска создали серьезную угрозу Москве с запада. Они захватили Вязьму, устремились к столице по Можайскому шоссе. На этом направлении Д. Д. Лелюшенко командовал 5-й армией.

Ожесточенные, упорные бои разгорелись на Бородинском поле. В результате очередной атаки фашисты прорвались к командному пункту армии. Генерал Лелюшенко собрал все

возможные силы и нанес удар с фронта, а подоспевшую танковую бригаду Т. С. Орленко направил во фланг прорвавшимся гитлеровцам. В этой короткой, но жаркой схватке командарм получил пулевое ранение, однако продолжал руководить боем. И только после того как Дмитрий Данилович потерял сознание, его эвакуировали в госпиталь.

Мучительно переживал генерал свой выход из строя. Целый месяц заживала рана. С тревогой следил Лелюшенко за скухими сообщениями газет, торопил врачей с выпиской.

В середине ноября фашисты вторично перешли в наступление на Москву. Их план – взять в мощные клещи наши армии, обороняющие столицу. Для этого немецко-фашистское командование выделило 51 дивизию, в том числе 13 танковых и 5 моторизованных. Разгорелись невиданные по своей ожесточенности бои на фронте от Волжского водохранилища до района Тулы.

Сложная обстановка создалась на Калининском направлении, где действовала 3-я танковая группа противника. Наша 30-я армия под напором превосходящих сил врага вынуждена была отойти. В самый разгар ожесточенных боев Дмитрий Данилович, только что выписавшийся из госпиталя, принимает командование этой армией.

Любой ценой удержать плацдарм юго-восточнее Ивановского водохранилища и перед городом Дмитровом – таков приказ командующего фронтом генерала Г. К. Жукова.

На новом рубеже командарм Лелюшенко построил обо-

рону так, что о нее разбились все атаки фашистов, несмотря на их численный перевес. Вскоре в 30-ю армию прибыли свежие уральские и сибирские соединения...

Командующий 5-й армии
Западного фронта генерал
Дмитрий Данилович
ЛЕЛЮШЕНКО,
Герой Советского Союза (1941 год).

Часть 7. Горячие деньки сержанта

Выше представил подробно общую картину ситуации, в которой находилась 32-стрелковая дивизия, с одной-единственной целью: чтобы читателю было понятно, каково пришлось всем нашим воинам, моему герою, в частности.

Из официального письма полковника Симонова (не указаны, к сожалению, даже инициалы), начальника архивохранилища Министерства обороны:

«В начале октября 1941 года в составе этой же дивизии, – имеется в виду 32-я стрелковая дивизия, – он, – имеется в виду Анатолий Гробов, – принял первое боевое крещение в боях под городом Волхов, а затем и в битве под Москвой...»

Надо полагать, боевое крещение было у сержанта Гробова не из самых приятных. Время, знаете ли, было критическое. Враг наседал, а наши, погибая тысячами, как могли, сдерживали. А потом? Ничуть не легче...

...Подмосковье. Час назад закончился тяжелый бой. Землю окутали ранние осенние сумерки. Временное затишье на передовой. В землянке, оборудованной саперами его отделения, довольно тепло. Но за стенами землянки – студеный ветер и начинает подмораживать. Идет снег. Местные жители говорят, что снег непривычно ранний. Еще не все де-

ревья освободились от листвы. Время от времени земля содрогается от одиночных взрывов мин и артиллерийских снарядов. Сволочи! Не дают нашему солдату поспать.

Солдаты его отделения все-таки пользуются моментом и пытаются вздремнуть. Хоть час, но наш, — считают они. Кто-то, присев на земляной пол, надвинув на глаза шапку-ушанку и привалившись к стене, закрыл глаза. Кто-то, подложив под голову солдатский рюкзак, не снимая фуфайки, лег бочком и захрапел.

Сержант Гробов сидит возле «буржуйки», регулярно подбрасывает в нее поленья. Поленья мгновенно вспыхивают и пламенем начинают озарять землянку. Он, озаренный пламенем, сидит. Он думает. О чем? Ну, наверное, о доме и семье, о том, что ему особенно дорого.

Поспи, сержант. Ведь вот-вот снова придется идти туда, где под градом мин и снарядов, по колено в ледяной воде придется наводить переправы через реку.

Не спится... Тревожно на сердце. Тревожно не за себя. Тревожно за близких, оставшихся в тылу. Его, по крайней мере, кормят, одевают и обувают. А они?... У «буржуйки» светлее, поэтому он вынимает из рюкзака бумагу и принимается за письмо. Пишет прямо на колене.

Письмо уже датировано пятым октября 1941 года. Пришло письмо с Западного фронта, где стоят на смерть бойцы тридцать второй дивизии. Письмо написано в те дни, когда (простите, что напоминаю) Красная Армия вела особен-

но ожесточенные оборонительные бои, изматывая противника.

Письмо любимой...

«Здравствуй, дорогая Зиночка!

Горячий поцелуй тебе и Галчонку. Спешу сообщить о своей жизни. Живу я хорошо... Приехал сюда 1 октября, то есть в третью годовщину моей службы в армии. Ведь в армию я приехал 1 октября 1938 года, – Анатолий Гробов считает срок службы не со дня призыва, а со дня прибытия уже непосредственно в дивизию. – Сейчас жизнь моя проходит на колесах. Как выгрузились из эшелона, так все движемся и движемся, – Анатолий Гробов намекает, что их часть постоянно перебрасывают с места на место, то есть затыкают бреши. – В бой мы еще не вступили. Настроение у всех бодрое. И обо мне можешь не беспокоиться, – знала бы жена, что творилось в тех местах, откуда письмо мужа, – ад ведь там крошечный. – Ты только одно пойми, Зина: не всех и не сразу убивают. Понюхавшие пороху рассказывают, что немец старается действовать на психику: много стреляет, прет и прет. Мы к этому привычны. Кое-что видали. Нас шумом не запугать.

Написать прямо, где я нахожусь сейчас, – не могу. Обо мне прошу не беспокоиться. Я выживу! После войны будет много дел. У меня забота большая только о вас. Ведь такое трудное время, и как только вы переживете?

Как дела дома и на заводе? Письма теперь, наверное, будут ходить долго, но ты должна знать: мои мысли всегда с тобой и живу я только ради вас. Не забывай и ты меня.

Как растет моя милая дочка? Очень мне ее жаль, что не имею возможности её приласкать и приголубить. Уж хоть ты за меня пожалеи её. Вырастет девчонка, а о папке знать не будет.

Теперь мой адрес такой: полевая почта, 132, 30-й особый саперный батальон. До свидания. Привет маме. Жду письмо от тебя. Крепко-крепко целую. Твой Анатолий».

Как уже сказано в предыдущей части, командование из-под Ленинграда 32-ю дивизию подтягивает ближе к Москве: жарко здесь.

Из исторической литературы:

«На историческом Бородинском поле в схватку с противником вступили части прославленной 32-й Краснознаменной стрелковой дивизии полковника В. И. Полосухина... Четверо суток... отбивали атаки немецко-фашистских войск. Были уничтожены тысячи вражеских солдат и офицеров, большое количество военной техники.

Советские части отошли лишь тогда, когда противнику удалось обойти их с флангов. 18 октября под натиском танков им пришлось оставить Можайск». (История второй мировой войны: 1939—1945, т.4, стр. 98).

Блицкрига у немцев не получилось. И в этом есть заслуга уральского парня Анатолия Грובה.

Вот что писал немецкий генерал Блюментрит:

«Надежды вывести Россию из войны в 1941 г. провалились в самую последнюю минуту.

Нам противостояла армия, по своим боевым качествам намного превосходившая все другие армии, с которыми нам когда-либо приходилось встречаться на поле боя». (История второй мировой войны: 1939—1945. Т.4, стр. 109—110).

Историческая литература особо подчеркивает большой вклад в оборону Москвы стратегических резервов, коими являлась и 32-я Краснознаменная⁹ стрелковая дивизия, где одним из пяти тысяч солдат был Анатолий Грбов.

«Расчеты немецко-фашистского командования на молниеносный разгром Советского Союза потерпели провал. Несмотря на то, что советская действующая армия еще не имела достаточного превосходства над противником в численности войск и боевой технике, инициатива в ведении

⁹ Краснознаменной, то есть награжденной орденом Красного Знамени, дивизия стала еще до Великой Отечественной войны. Очевидно, так были отмечены боевые заслуги во время событий у озера Хасан и на Халхин-Голе.

боевых действий начала переходить к Вооруженным Силам СССР. К тому же они обладали важным преимуществом: Верховное Главнокомандование сумело в ходе ожесточенных оборонительных сражений накопить и сохранить в своем резерве крупные силы, которые могли быть использованы при переходе советских войск в контрнаступление.

К контрнаступлению привлекались войска Калининского, Западного и правого крыла Юго-Западного фронтов... Главная роль в разгроме врага под Москвой отводилась войскам Западного фронта под командованием генерала Г. К. Жукова... 30 ноября Военный совет Западного фронта представил Верховному Главнокомандующему разработанный им план, который в тот же день был утвержден... Контрнаступление предусматривалось осуществить на широком фронте: полоса действий лишь Западного фронта составляла 600 км». **(История второй мировой войны: 1939—1945, т.4, стр. 281—282).**

5 декабря началось контрнаступление Красной Армии под Москвой. На следующий день, то есть 6 декабря, двинулись вперед и войска Западного фронта, а вместе с ним начался поход на Запад и моего героя.

Снега навалило по колено. Ветер намечает сугробы. Вязнет в снегу техника и люди. Все безумно устали. Враг яростно огрызается, однако вынужден отступать.

Берег речушки. Саперы только что навели переправу,

по ней пошли вперед колонны солдат и много боевой техники. Немцы непрерывно бомбят с воздуха. С воем проносятся мины. Ухает, тяжело и надсадно, артиллерия.

Слава Богу, переправа цела. Стало быть, саперы могут чуть-чуть передохнуть, у костра обсушиться и обогреться, пообедать, благо полевая кухня прибыла, а с нею старшина, который грозитя наркомовскими ста граммами облагодетельствовать. Спирт очень кстати. Побудь-ка целый день в ледяной воде и при сильном ветре. И жуткий мороз: столбик термометра опустился до тридцати.

Свою «трапезу» отделённый закончил первым. И, не мешкая, вновь берется за письмо. Его беспокоит: почему из дома нет писем, что могло там случиться? Может, заболели? Или того хуже?

Устал солдат ждать ответ на предыдущее свое письмо. Солдат далек от реальности. Ему чудится, что с того дня, как он отправил предыдущее письмо домой, прошло, по меньшей мере, месяц, а, может, даже и год. Он ведь судит со своей «колокольни». Его-то жизнь измеряется часами, а то и минутами. Вон, пули-то шальные как жужжат над головой. Чирк – и всё! Или мина залетит ненароком и жахнет. Опять же: был и не стало.

Одна радость у солдата... Нет-нет, не правда: две радости. Первая радость, что отогнали фашиста от окраин Москвы. Не только отогнали, а сильное теснение продолжается, враг, зверски рыкая, отходит. Вторая радость – весточка от род-

ных, письмо из дома. Пусть всего несколько слов. Солдат и им бесконечно рад. Готов перечитывать на дню по десять раз. Все письма из дома не выбрасывает, а бережно складывает и носит в рюкзаке. Письма всегда с ним. Он чувствует телом тепло этих писем. И ему от этого очень хорошо, очень легко. Этот груз – не груз. С этим грузом он готов топтать аж до логова фашистского зверя.

Несмотря на тяжесть фронтовых будней, несмотря на разлетающиеся веером осколки от разорвавшихся где-то неподалеку мин и снарядов, Анатолий Гробов улучает минутку, чтобы написать письмо родным.

Письмо датировано двенадцатым декабря 1941 года. Напомню, что всего семь дней назад закончилась оборона и началось контрнаступление под Москвой.

«Здравствуйте, дорогие Зинушка и Галочка!

Шлю вам свой горячий, сердечный привет и пожелания всего наилучшего в вашей жизни.

При первой же возможности спешу передать пару слов о себе, о своем житье-бытье, – господи, как надо любить жену и дочь, чтобы в разгар этого ужаса найти время и сесть за письмо. – Живу пока хорошо. Жив и здоров. А большие для нас ничего и не требуется. Фронтовая жизнь, конечно, имеет много своих особенностей. Но ведь я не первый день и, конечно, чувствую себя как рыба в воде; от каждого выстрела за пень не прячусь. Наш отпор врагу с каждым днем креп-

нет. Это вы должны видеть из газет, – Анатолий Гробов намекает на то обстоятельство, что в эти дни газеты широко освещают начавшееся контрнаступление под Москвой. – Уже близок тот час, когда эта кровавая гадина найдет свой конец. Мы им покажем, почем сотня гребешков и где раки зимуют! Фашизм не пройдет. Он может рыть себе могилу на нашей земле. Этим извергам будет конец. И я горжусь тем, что уничтожению врага я тоже отдал свои силы и свои знания. Наша вера в победу непоколебима и это верный залог нашей победы над врагом.

За меня не беспокойтесь. За себя я сумею постоять. И не так-то просто меня вывести из строя. Порода наша довольно живучая. Как живете вы? С письмами у меня неблагополучно. Получаю лишь письма, отправленные на Раздольное, – Анатолий Гробов имеет в виду прежнее место службы на Дальнем Востоке. – По новому адресу пока не получил ни одного письма.

Все! С приветом – Анатолий Гробов».

Как, должно быть, тяжело фронтовику, как мучительно долго тянется время, если он думает, что за столь малый срок можно получить ответ.

Предыдущее письмо и это отделяют всего семь дней! Для него час – это вечность... А тут целая неделя! Величина, в условиях фронта, космического масштаба. Понимают ли это там, глубоко в тылу, в предгорьях Северного Урала?

От Советского Информбюро...

«К 13 декабря в результате решительного контрнаступления героической Красной Армии под Москвой ударные группировки немецко-фашистских войск потерпели поражение... В результате освобождены города Тихвин, Елец и десятки других населенных пунктов...»

АРХИВ

Министерства обороны
Союза ССР

КУШВИНСКОМУ ГК ВЛКСМ

Отдел „ 6 “

14 августа 1965 г.

№ 76810

г. Подольск, Московск. обл.

г. Кушва, Свердловская
область

на № 242

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

По имеющимся документам установлено:

ГРОБОВ Анатолий Александрович, 1916г. рождения, уроженец Верхне-Туринского поселка, Кушвинского р-на, Свердловской области, призван в Советскую Армию 6 августа 1938г., где прослужил до 24 декабря 1943 года и прошел путь от рядового до командира роты.

До начала Великой Отечественной войны он проходил службу на Дальнем Востоке в 30 саперном батальоне 32 Краснознаменной стрелковой дивизии, а в начале октября 1941 года в составе этой же дивизии он принял первое боевое крещение в боях под г. Волхов, а затем в битве под Москвой.

В марте 1942 г., как один из лучших сержантов, ГРОБОВ был послан на курсы младших лейтенантов инженерных войск Западного фронта, которые дислоцировались в д. Вороново, Московской обл.

Обстановка того времени не позволяла длительного пребывания на курсах, фронту нужны были офицерские кадры. Это хорошо понимал и Анатолий Александрович, который в течение нескольких месяцев успешно познал сложное саперное дело и в конце июля 1942 г. с оценкой "отлично" закончил учебу.

По окончании курсов в звании младшего лейтенанта он прибыл в I гвардейскую Краснознаменную стрелковую бригаду, переименованную в последствии в 42 гв. стр. дивизию, на должность командира взвода.

С этого времени и до последних дней своей жизни ГРОБОВ А.А., командуя саперным взводом, а потом ротой, выполнял ответственные задания в самых различных условиях боя.

Первая страница письма полковника Симонова.

Часть 8. Идет вперед, не зная отдыха и сна

Наконец-то наши солдаты учатся не тому, как умело обороняться и пятиться назад, а тому, как с максимальной решительностью наступать на все еще очень и очень сильно врага. Враг-то по-прежнему превосходит по мощи, особенно в самолетах, танках и артиллерии. Идет вперед солдат. Идет, поливая обильно подмосковную землю своей кровью. Идет, оставляя за собой тысячи и тысячи погибших. Досаждают вражеские снайперы. Эти устроили настоящую охоту, особенно, за нашими офицерами, особенно, за средним комсоставом. Возникает острейший дефицит в командных кадрах, в том числе и в 30-м отдельном саперном батальоне, где служит Анатолий Гробов. Есть решение: организовать ускоренные курсы по подготовке командиров среднего звена.

Из письма начальника архивохранилища Министерства обороны полковника Симонова:

«В марте 1942 года, как один из лучших сержантов, Гробов был послан на курсы младших лейтенантов инженерных войск Западного фронта, которые дислоцировались в деревне Вороново Московской области.

Обстановка того времени не позволяла длительного пребывания на курсах: фронту нужны были офицерские кад-

ры. Это хорошо понимал и Анатолий Александрович, который в течение нескольких месяцев успешно познал сложное саперное дело, – возьму на себя смелость здесь уточнить: «сложное саперное дело», о котором пишет полковник Симонов, мой ГЕРОЙ освоил несколько раньше; как-никак, а уже три с половиной года служит, причем, прошел проверку в боях, – и в конце июля 1942 года с оценкой «отлично» закончил учебу».

На «отлично»? Но от уральского парня иного никто и не ждал.

И вот на плечах моего героя офицерские погоны. Младший лейтенант Анатолий Гробов едет к месту новой службы. Конечно, ему хотелось вернуться в свою родную 32-ю дивизию, ведь там он оставил многих своих друзей, тех, кто в боях под Москвой выжил. Увы... На фронте не выбирают.

Впрочем, Гробов мало что проиграл: часть, где ему предстоит служить сейчас, не менее прославленная – это первая гвардейская Краснознаменная бригада, переименованная впоследствии в 42-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Теперь Анатолий командир взвода. На его плечи ложится непосредственный груз ответственности за жизнь и здоровье солдат.

Солдаты приняли нового командира хорошо. А иного и быть не могло. Ведь перед ними был не желторотый юнец, а, можно сказать, «дед» (ему в то время было двадцать

шесть), понюхавший к тому же изрядно пороха. И офицерство батальона отнеслось с пониманием к новичку. Уже через месяц Гробова в части никто не считал чужим.

Анатолий явно счастлив, что служит в столь прославленном боевом соединении, что теперь может именовать себя гвардейцем. Он понимает, что это почетное наименование – для него лично большой аванс. Однако скоро он выплатит этот аванс и лично приумножит славу дивизии.

Сапер – это тебе, брат, не тыловая крыса. Сапер ведь не только строит блиндажи и командные пункты. Сапер еще возводит сооружения-переправы через водные преграды, коих великое множество в центральной части России. Между прочим, по мостам должны пройти первые танки, самоходки, гаубицы, автомобили, соответственно, и пехота. Подчеркиваю: они пройдут лишь после того, как здесь, на передовой, под шквальным огнем противника поработают руками и мозгами саперы. А еще (особенно важно в ходе непрерывного наступления) сапер «зачищает» освобожденную советскую территорию, то есть разминировает. Разминировать после фашистов приходится все: от городов, сел, поселков и до полей, лесов, рек. А каждое такое разминирование – это реальный риск подорваться. Не зря вошло в поговорку: сапер ошибается лишь однажды. Наконец, этого также не надо сбрасывать со счетов, сапер в любую минуту готов вступить в бой с врагом. Сапер не только готов, а и реально вступает в бой, сменив мгновенно миноискатель, саперную лопатку,

молоток или топор на автомат. И сапер, как случилось не раз Гробову, автоматом пользуется также умело.

Здесь не делаю никаких открытий. Лишь хочу еще раз обратить внимание на «специфику» этого рода войск... Летчик? Хорошо. Моряк? Тоже хорошо. Танкист? Хорошо. А сапер? Сапер – это сапер... Не приведи Бог!

Из письма-воспоминания сослуживца моего героя Николая Дмитриевича Молчанова:

«В 42-й гвардейской стрелковой дивизии я с начала ее формирования, то есть с 1941-го и по 1944-й.

Гробов А. А. пришел позднее, то есть в 1942 году, из школы подготовки командного состава в звании младшего лейтенанта. Оба мы потом командовали ротами 46-го саперного батальона. Мы вместе прошли долгий путь с боями, выполняя сложные сапёрные задания по разминированию вражеских мин различных видов, переднего края, делая проходы в проволочном заграждении. Гробов А. А. со своими командирами и солдатами задания выполнял в любой обстановке четко и уверенно, за что ценило и уважало командование батальона».

...Дивизия упорно продвигается вперед, туда, где скоро предстоит крупнейшее в истории человечества сражение.

Из письма начальника архивохранилища Министерства обороны полковника Симонова:

«22 августа 1942 года комсомолец Гробов Анатолий Александрович подал заявление о приеме его в партию...»

Вот заявление, написанное собственноручно (низко кланяюсь полковнику Симонову за предоставление в мое распоряжение копии этого исторического документа):

«Прошу принять меня кандидатом в члены ВКП (б) ... Находясь в рядах гвардейцев, я хочу быть также в рядах большевистской партии, чтобы еще успешнее бить врагов нашей Родины – немецких варваров.

Я в любую минуту готов выполнить любой приказ... по разгрому врага и не пожалею сил, жизни во имя этого святого дела».

Из характеристики-рекомендации коммуниста Петра Семеновича Назарова (этот документ той грозной поры также хранится в военном архиве), сослуживца:

«При выполнении боевого задания по строительству переправы через реку Яуза (в районе Махотино) для пропуска танков на передовую линию под сильным минометным огнем противника т. Гробов мужественно, по-гвардейски руководил своим взводом... не отходил от подразделения до полного окончания строительства переправы».

Партийная организация батальона 31 августа 1942 года удовлетворила просьбу, приняв А. А. Грובה кандидатом в члены ВКП (б). Через три месяца (для фронтовиков, учитывая особые условия, кандидатский стаж был сокращен до трех месяцев), то есть 3 января 1943 года, он был принят в члены ВКП (б).

...Фашист постреливает. Скорее, по привычке, чем по необходимости. Близится осень. Но пока солнце светит всю. Тепло. Приволье такое, что особенно жить хочется. Легкий ветерок чуть-чуть шелестит ивовыми листьями.

Однополчане давно заметили, что Анатолий слишком часто пишет письма. Пользуется любым благоприятным моментом. Попробовали было пошутить: мол, не много ли любовниц завел, коли без усталости пишешь. Анатолий шутки не понял, а потому не принял. Он сердито и только раз посмотрел в сторону шутника, а тот и навсегда позабыл про остроты.

И все-таки он старается быть наедине, когда пишет письмо. Только что прибыла свежая почта, где была и ему весточка. И сейчас... Он отошел к реке, сел на бережку и на колени стал писать.

«Здравствуй, дорогая мама!

Шлю вам свой горячий привет и наилучшие пожелания в вашей жизни. Сегодня получил от вас письмо, на которое

спешиу ответить.

Живу хорошо. Наше дело по разгрому фашистской нечисти идет хорошо, а поэтому писать много некогда.

После твоего письма, мама, я написал директору леспромхоза и секретарю парткома... Раздраконил их за бездушность, — очевидно, мать пожаловалась, что руководители не откликаются на ее просьбы хоть чем-то помочь семье фронтовика. — Надо их чаще теребить, а то они... засиделись за нашими спинами.

Высылаю по 600 рублей каждый месяц. Скоро вы деньги должны получить, — откуда знать-то моему герою, что на Урале этих денег хватит разве что на буханку хлеба, если покупать у спекулянтов, а так... все по норме, все по карточкам и лишнего ни за какие деньги не купишь; впрочем, это все равно подмога. — Как растет моя дочь Галочка? Поцелуйте её и скажите: фрицам скоро капут; и папа придет домой.

О наших делах, наверное, читаете в газетах. Дел много. Мы справляемся по-гвардейски...

Шлю всем по привету. До свидания. Жду ответа.

Ваш сын, муж и отец — А. Гробов».

Наши войска уж который месяц топчутся на месте: не удастся выбить фашистов с занятой ими территории.

Глубокая осень. Какой-то уж больно резкий переход из тепла в стужу. Но уральцу все нипочем: он видал и не та-

кое. К тому же землянка в три наката (не в переносном, а прямом значении) и в ней тепло, горит коптилка. Пока нет рядом никого, Анатолий опять садится за письмо.

«Здравствуйте, мои родные!»

Из газет вы, наверное, уже знаете, что части Красной Армии перешли к наступательным действиям, – это письмо датировано двадцать седьмым ноября 1942 года. Особенно успешные операции развернулись под Сталинградом (началась Сталинградская битва, в ходе которой будет пленено 330 тысяч вражеских солдат и офицеров, в том числе и их командующий фельдмаршал Паулюс. – Так вот: чтобы помочь товарищам, мы также перешли к активным действиям. Кончился для нас период ожидания. И пришел тот час, когда снова можно показать наш русский размах, русскую удаль. Соответственно, изменился образ жизни. Перешли к кочевому образу жизни. На дворе метель, стужа. Ни зги не видать. Но одеты мы хорошо, а больше в наших условиях для хорошей жизни ничего не надо.

С приветом – Анатолий Гробов».

Его подразделение только что вернулось с нейтральной зоны, где саперы в крошечной темноте закончили разминирование узкого «коридора», чтобы могла безопасно пройти к фрицам наша разведгруппа. Будто бы, разведчики идут на задание, которое им определил сам командующий фрон-

том. Все прошло удачно. Фрицы, кажется, не заметили некоторого «шевеления» с нашей стороны. Правда, пару раз все-таки пульнули из ракетниц. Но это так... от скуки, наверное.

Из письма-воспоминания сослуживца моего героя Николая Дмитриевича Молчанова:

«Мне с Анатолием Александровичем много раз пришлось выполнять боевые задания, так сказать, рука об руку. Помню, как на одном из участков переднего края наши полки готовились к наступлению. Вражеская оборона была опутана колючей спирально-петлевой проволокой в несколько рядов. Между рядами же были сплошь заминированы противопехотными минами. За ночь, то есть до рассвета, должны были сделать несколько проходов, по которым потом пойдет пехота. Проходы были сделаны и наши войска пошли в наступление. Замечу: лично Гробовым, то есть его руками, было разминировано немало мин».

Спят его саперы. Устали. Днем-то разминирование не такое уж легкое дело, а ночью, когда хоть в глаз коли? На ощупь да на профессиональное чутье только и надежда.

Нет сна только их командиру. Он пишет письмо с фронта.

«Здравствуйте, дорогие родственники!

Пять лет службы в армии не прошли для меня даром.

Эти годы заставили меня сильно поработать над собой и своим характером. За годы службы, особенно за время Отечественной войны, я вырос. И теперь вырос до командира среднего офицерского состава, до командира подразделения.

По письмам матери, братьев и сестер я ревниво наблюдал за твоим ростом, Зина. И с каждым разом проникался всё большим и большим к тебе уважением. Даже не могу понять, откуда моя маленькая Зинушка берет столько моральных и физических сил?

Кроме того, наша дочь, наша Галинка кровной цепью связывает нас воедино. Зина, я тебе скажу одно: едва ли я тебя любил так сильно, как сейчас, в дни нашей молодости. Моя любовь в эти суровые дни не гаснет, а крепнет и крепнет день ото дня. Я думаю, что наше счастье лежит еще впереди, мы еще до него не дошли. Близок день, когда моя маленькая Зинушка поймет, как любит и уважает её Анатолий.

Сегодня же желаю одного: не склоняй головы в эти тяжёлые дни. Выше голову, мой друг! Мы выйдем победителями! Помни: я всегда и везде с твоим именем на устах; ты для меня самое дорогое в жизни.

Береги, Зина, наше сокровище, нашу дочку Галочку. Моя любовь к ней никогда не остынет, а будет, наоборот, все расти и расти.

Обо мне не беспокойся. Нет еще у Гитлера той пули, которая может покорить нас. Я уверен в себе и надеюсь, что

мы заживем еще на славу.

Живу пока хорошо. Дела по службе идут успешно. Передавай, Зина, привет всем родным и близким.

До свидания. Анатолий Гробов. 20 января 1943 г.».

Да, велик наш воин, если в столь тяжких испытаниях, в суровых условиях войны, когда жизнь его каждую секунду висит на волоске, он находит в себе силы, чтобы поддержать и подбодрить своих родных, находящихся в глубоком тылу. Такого воина, в самом деле, победить невозможно.

«Привет с фронта! Здравствуй, Зина!

Сегодня праздную свой праздник – 25-ю годовщину Рабоче-крестьянской Красной Армии...

Дела идут хорошо. Об этом можете судить по сообщениям газет. Правда, мы не проводим таких крупных операций, как на юге, но мы ежедневно, ежесекундно все же уничтожаем паршивых фрицев, чем также приближаем час нашей победы.

Зина, прошу тебя, вышли мне свое фото. С Галочкой, конечно. Интересно, какие вы сейчас? Я бы с удовольствием послал свою фотку, но фотографироваться негде... Даже партбилет без фото...

Действующая армия. Ваш Анатолий Гробов. 23 февраля 1943 г.».

Закончились январь и февраль. Март пришел. Весна в разгаре. Идет наш солдат вперед. Шагает он твердо, уверенно по вязкому и противному месиву из чернозема и мокрого снега. Идет все дальше на запад.

По вечерам солнце так пригревает, что в землянку и не хочется. Он, прислонившись к борту машины, пользуясь минутой затишья, вынимает из полевой сумки бумагу и карандаш. Он снова пишет родным.

«Здравствуйте, мама, Зина, Галочка!

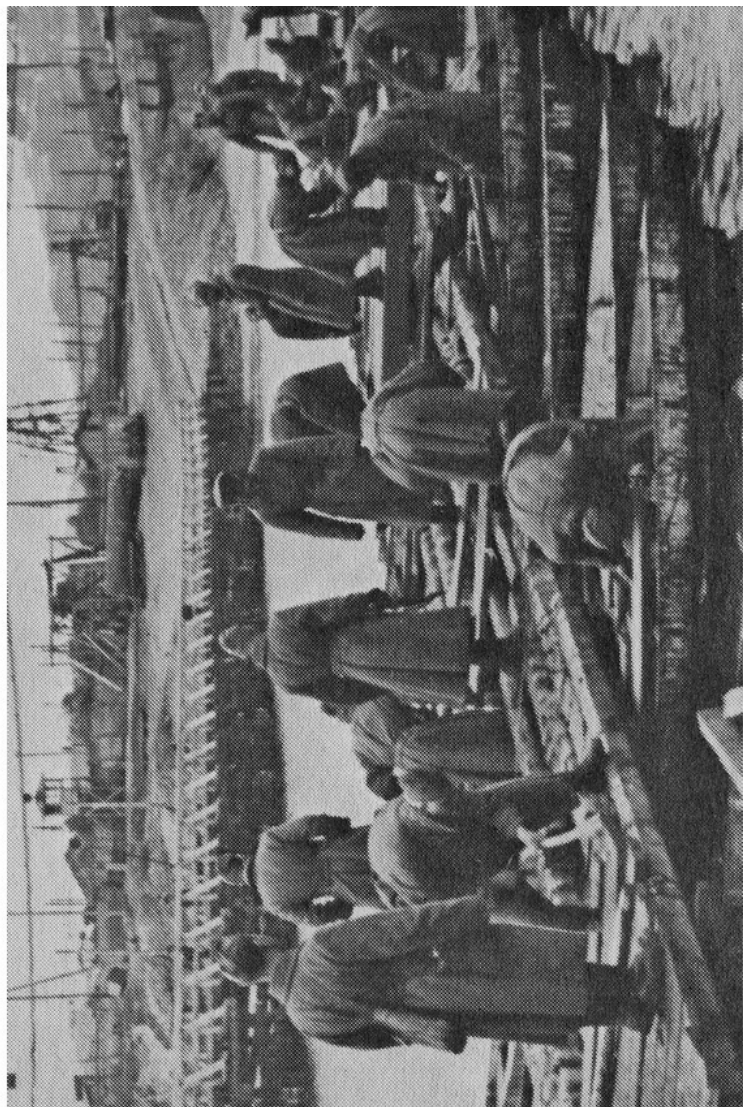
Шлю я вам горячий привет с пожеланиями всего наилучшего в вашей жизни. Получил ваши письма, за которые благодарю. Очень я им рад!

О себе скажу немного. Наступаем. Идем со своими орлами на запад. Я рад и горд, когда мне первым удастся ворваться в населенный пункт и видеть счастливые лица освобожденных наших братьев и сестер. Трудно передать, какой кошмар пережили наши люди при власти фашистов! Слышаешь рассказы, и сердце кровью обливается. Начинаешь пылать великой ненавистью к врагу!

Погода здесь сейчас прекрасная. Природа оживает.

Как живете вы? Пишите обо всем. Передавайте привет всем нашим.

Пока. До свидания. Ваш Гробов А. А. 27 марта 1943 г.».

Очередная водная преграда. Саперы возводят переправу.

Получил ваше письмо, в котором вы просите описать о френковой деятельности вашего земляка Гробова А.А. Ясно очень много времени, многое я не помню, но постараюсь написать, что, хотя не с точными датами, вспомню.

В 42 гвардейской стрелковой дивизии я служил сначала её формированием 1941 г. по 1944 год.

Гробов А.А. в нашу часть пришел позже в 1942 году из школы подготовительного командного состава в доп.

22 августа 1942 года комсомолец ГРОБОВ Анатолий Александрович подал заявление о приеме в партию. Свою просьбу он изложил так:

"Прошу принять меня кандидатом в члены ВКП/б/... Находясь в рядах гвардейцев, я хочу быть в рядах нашей большевистской партии, чтобы еще успешнее бить врагов нашей Родины - немецких варваров.

Я в любую минуту готов выполнить любой приказ партии и правительства по разгрому врага и не пожалю сил и жизни за дело нашей Коммунистической партии".

Боевые товарищи ГРОБОВА - НАЗАРОВ Петр Семенович, член КПСС с 1939 года, п/билет № 2087282, и ВЯЗАНКИН Александр Ефимович, член КПСС с 1938 г., п/билет № 2154231, рекомендовавшие его в партию, писали, что: "...при выполнении боевого задания по строительству переправы через реку Яуза /в р-не Махотино/ для пропуска танков на передовую линию под сильным минометным огнем противника т. Гробов мужественно, по-гвардейски, руководил своим взводом, учил бойцов знанию саперного дела и не отходил от подразделения до полного окончания строительства переправы".

Партийная организация батальона 31 августа 1942 г. удовлетворила просьбу ГРОБОВА.

Через 3 месяца 3 января 1943 г. ГРОБОВ был принят в члены КПСС и получил п/билет № 5205322.

Рекомендовали его в члены КПСС:

- ЕВДОКИМЕНКО Григорий Андреевич, член КПСС с 1932 г., п/билет № 2126040;

- НИКОЛАЕВ Сергей Николаевич - член КПСС с 1940 г., п/билет № 3969960;

- ТИХОНОВ Дмитрий Тихонович - член КПСС с 1931 г., п/билет № 10083126.

Став коммунистом, ГРОБОВ еще энергичнее взялся за порученное дело.

Успехи взвода и его самого не раз отмечались в приказах командира.

12 марта 1943 г. гвардии-лейтенант ГРОБОВ А.А. назначается заместителем командира саперной роты, а незадолго до начала знаменитой битвы на Курской дуге в звании гвардии старшего лейтенанта он стал командиром роты.

Вторая страница письма полковника Симонова.

Часть 9. До свиданья, мама, не горюй!

Историческая справка:

«В конце марта Ставка Верховного Главнокомандования решила прекратить дальнейшее наступление на западном направлении: по ее указанию фронты перешли к обороне на занимаемых рубежах». (История второй мировой войны: 1939—1945, т. 6, стр. 145).

Из письма Грובה жене:

«Спешу сообщить о своем житье-бытье, так как давно не писал. А не писал, потому что в течение двух с половиной месяцев не имел возможности ни получать, ни отправлять письма. Только сегодня получаю мартовские и апрельские письма.

Ну, о причинах поговорим после войны. Можешь понять, что причины уважительные.

Действующая армия. 5 июня 1943 г.».

Историческая справка:

«Операции советских войск на западном, — там, где и ведет бои дивизия моего героя, — и северо-западном направле-

ниях, проведенные в начале 1943 г., тесно связаны со стратегическим наступлением на юге. Хотя они и не достигли поставленных целей, враг был лишен возможности усилить свои группировки на южном крыле советско-германского фронта... Это значительно облегчило Красной Армии не только успешно осуществить операции под Сталинградом, на Верхнем Дону, Харьковском и донбасском направлениях, но и отразить попытку контрнаступления врага. Ликвидация плацдарма в районе Ржева и Демянска практически сняла угрозу наступления противника на московском направлении». **(История второй мировой войны: 1939—1945, т.6, стр.145).**

Вспоминает, спустя многие годы, отвечая на мою просьбу, заместитель командира 46-го особого саперного батальона 42-й гвардейской стрелковой дивизии Северьян Федорович Панёв:

«Я хорошо помню Анатолия Александровича Гробова. Помню, потому что это был волевой, умелый, скромный и исполнительный командир. Помню и потому, что ему командование доверяло самые ответственные задания.

Перед нами одна из многих водных преград – река. Немцы, отступая, взорвали мост. Необходимо быстро соорудить переправу, чтобы пропустить танки.

Взвод Гробова, разбившись на две части, приступил к вы-

полнению задания. Гробову достаточно было беглого взгляда, чтобы определить масштаб предстоящих работ. Он говорит: «Тут уже сухим не быть – поплавать придется». И командир первым лезет в ледяную воду, чтобы ставить столбы, забивать сваи, подгонять переводины, поперечники, делать скрепления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.